

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДАЛЬШЕ ФРОНТА

НОВЫЙ ХИТ
АВТОРА
«ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ
ИТАКУ»
И
«ДЫРКА ДЛЯ
ОРДЕНА»!

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

Дальше фронта

«Звягинцев Станислав»

2005

Звягинцев В. Д.

Дальше фронта / В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав»,
2005 — (Одиссей покидает Итаку)

ISBN 5-699-19065-1

Дороги товарищей по оружию Сергея Тарханова и Вадима Ляхова по возвращении с «того света» расходятся все больше и больше. Первый, как настоящий боевой офицер, остается убежденным сторонником монархии и служит не за страх, а за совесть. Второй, все больше чувствуя нереальность происходящего, волей-неволей оказывается в оппозиции к окружающему миру. Отыскать ответы на проклятые вопросы «что делать» и «кто виноват» Ляхову придется, такой уж он человек. Пока ясно одно: пешкой в чужой игре он не будет никогда, кто бы ни сидел за доской – Великий князь, Господь Бог или его загадочные порученцы, называющие себя «Андреевское братство».

ISBN 5-699-19065-1

© Звягинцев В. Д., 2005

© Звягинцев Станислав, 2005

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	27
Глава четвертая	30
Глава пятая	42
Глава шестая	50
Глава седьмая	53
Глава восьмая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Василий Звягинцев

Дальше фронта

*Дальше фронта не пошлют,
Меньше взвода не дадут.
Неизвестный лейтенант*

Глава первая

После серии мощных взрывов, прогремевших в парадном кабинете варшавского генерал-губернатора, где в данный момент заседал Комитет национального спасения, в гигантском здании дворца Бельведер началась настоящая паника. В точном смысле, определенном словом иностранных слов. «Психологическое состояние, вызванное угрожающим воздействием внешних условий. Неудержимое неконтролируемое стремление избежать опасной ситуации».

Иначе и быть не могло. Если бы здание занимала нормальная воинская часть, пусть не слишком многочисленная, но слаженная, имеющая четко поставленную боевую задачу, подобное и даже более угрожающее *воздействие внешних условий* вызвало бы реакцию, предусмотренную уставами и общим опытом службы. В случае гибели командира его обязанности принимает на себя следующий по званию и должности. После чего, оценив обстановку и имеющиеся потери, продолжает выполнение боевой задачи, доложив о случившемся в вышестоящий штаб.

Но почти тысяча вооруженных людей, скопившихся в Бельведере, слоняющихся по коридорам и залам, веселящихся, митингующих, едящих и пьющих, а также понемножку грабящих враз ставшее ничейным имущество, армией не была. Не была она также коллективом единомышленников, и даже толпой, объединенной пусть низменным, но общим для всех порывом. Обвешанные пистолетами, винтовками и автоматами повстанцы, в массе своей молодые, даже юные, собрались здесь скорее инстинктивно, по той самой логике мятежа и бунта, что заставляет уличный сброд сбиваться в стаи и мчаться туда, где предполагается центральный очаг беспорядков.

Лишь очень немногие вообще понимали, что они здесь делают. В какой-то мере правильную караульную службу несли от силы полсотни волонтеров. Вокруг зала заседаний и бывших губернаторских апартаментов толклись личные охранники «вождей» восстания. Какие-то самозванные комитеты и комиссии уже приступили к дележу свалившейся им в руки власти, а их единомышленники коротали время, ожидая, до чего договорятся лидеры, чтобы, помитинговав, решить, устраивает их расклад или нет. Все же остальные просто принимали участие в стихийном карнавальном действе, столь упоительном по сравнению с еще вчерашней скучно-монотонной жизнью.

А что еще нужно молодым, «национально-ориентированным» левакам, как не повеселиться от души, пострелять в воздух или по витринам и уличным фонарям, изрисовать штофную обивку кабинетов и дубовые панели коридоров бело-красными флагами, пламенными призывами: «Слушайте музыку революции!», «Москалей за Вислу, жидов в Вислу!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного!» и тому подобными граффити.

Слитные взрывы восьми мощных гранат, сопровождаемые тучей чугунных и керамических осколков, превратили роскошный зал в подобие ада крошечного. Из двух десятков членов объединенного Комитета вкупе с несколькими иностранными представителями и наблюдателями большинство умерло сразу, а немногие уцелевшие, раненные и контуженные, перемазанные своей и чужой кровью, уже никак не могли повлиять на развитие событий.

Вдобавок наложившиеся друг на друга взрывные волны по известному закону кумуляции многократно усилили разрушительный эффект, вышибли наружу, в циклопическую приемную, шестиметровые дубовые двери, водопадом обрушили оконные витражи тяжелого зеркального стекла, жертвой чего стало еще множество секретарей, охранников, телефонистов, просто празднующихся боевиков.

По коридорам и окрестным помещениям прокатился гул, гром, треск, звон и грохот, сопровождаемый воплями ужаса, бессвязными криками и мольбами о помощи раненых, контуженных, донельзя перепуганных людей. Ничто так не деморализует играющих в войну дилетантов, как первая встреча с настоящей кровью и смертью.

Чаще всего срабатывает простейший инстинкт – бежать! В одиночку или толпой. Неважно куда. Лишь бы не оставаться здесь, где так страшно. Вверх, вниз, вправо и влево по лестницам и бесконечным коридорам. Подальше от очага взрыва, во двор, на улицы. А навстречу мчались те, пусть и немногие, кого чувство долга или простое любопытство влекло к месту происшествия. Отчего общий беспорядок только возрастал. Разумеется, как бы сама собой вспыхнула не контролируемая и никем не направляемая стрельба из всех видов ручного оружия.

Кто-то из командиров, сохранивших самообладание, заорал, что дворец обстреливают гранатометы из парка напротив, и через несколько минут чуть не сотня автоматных и пулеметных стволов секли струями пуль ни в чем не повинные ветви каштанов и можжевельниковые кусты.

Иные стреляли просто так, для самоуспокоения, вдоль коридоров и просто в потолок. Третьи же, отдохавшие в отведенных им помещениях, проснувшиеся от взрывов и близкой стрельбы, оценили обстановку как начало штурма дворца русскими войсками, начали занимать оборону в местах расположения, баррикадировать коридоры и окна, более-менее прицельно пальить во все, что движется в пределах досягаемости.

Именно на такое развитие событий поручик Уваров и рассчитывал, только действительность даже превзошла самые его смелые ожидания.

Внутри канализационного коллектора, главным люком выходящего в хозяйственный двор Бельведера, ждали команды два взвода «печенегов» последнего призыва. Почти пятьдесят парней в офицерских чинах, еще не имеющих опыта именно этой специфической разведывательно-диверсионной службы, но прошедших самый строгий отбор сначала по боевым качествам в своих частях и подразделениях, а потом психологический – в службе доктора Бубнова. И вооружены они были подходяще – дисковые автоматы «ППД» и специальные тяжелые дробовики ближнего боя «КС-29», ножи и двойной комплект оборонительных и наступательных гранат.

Команда у них была – ожидать приказа, но, если таковой не поступит до восьми часов утра, покинуть свое убежище и атаковать Бельведер, уничтожая всех, кто встретится на пути и окажет сопротивление. После чего закрепиться и ждать подхода участвующих в «Большой рекогносцировке» штурмовых групп. В случае неудачи уходить обратно в подземелья городской канализации, где работать по первоначальному плану. То есть взять под контроль всю сеть каналов центра города, не допустить их использования повстанцами и до последней возможности наносить удары из-под земли в спину неприятелю.

Задача, вполне достойная офицеров Гвардии, знающих, ради чего стоит сражаться и умирать.

Оставленный Уваровым за командира поручик Роцин машинально взглянул на часы, когда внутри дворца загрохотало. Семь десять. До условного времени еще пятьдесят минут, но это уже несущественно. Или командир начал бой по своей инициативе, или попал в ловушку. В любом случае пришло время действовать. На всякий случай он включил рацию, настроенную на волну Уварова. Без особой надежды, однако через несколько минут поручик ответил почти спокойным голосом:

– У нас в порядке. Потерь нет. Выступайте. Атакуй через галерею напротив люка. Здесь сейчас классный бардак, не давай им опомниться. Одним взводом занять главный вестибюль первого этажа, блокировать входы-выходы, вторым прорваться в центральный коридор второго, очистить и закрепиться. Мы сейчас на третьем, в правом крыле. Туда не суйтесь. Свой КП с рацией разверни в помещении, ближайшем к вентиляционной будке. Из нее, имей в виду, есть проходы во внутрискатные трубы... Возможность скрытого маневра. Мы будем продвигаться к вам навстречу. Не подстрелите. Связь по возможности.

Он, подпоручик Константинов и прапорщик Ресовский, офицер запаса, но опытный московский диггер, выбрались из вентиляции в дальнем и совершенно безлюдном углу дворца. Осмотрелись, на всякий случай поднялись до средней площадки широкой винтовой чугунной лестницы. Судя по схеме, ведущей на чердак и комнаты четвертого, служебно-хозяйственного этажа. Здесь не было обширных залов и широких, как проспекты, галерей, только анфилады комнат, сравнительно небольших, с низкими потолками, и путаница бесчисленных переходов, коридоров, коридорчиков и тупиков. Очень похоже на антресоли¹ питерского Зимнего дворца.

Константинов по собственной инициативе углубился в этот лабиринт. Интересного обнаружил довольно много, но тактического значения территория не имела. Хотя мятежников там не оказалось, использовать этаж для глубокого обхода в тыл противника не представлялось возможным. Слишком запутанная планировка, и вполне можно выйти совсем не туда. Дольше разбираться, нежели рвануть напрямик, по третьему.

Наскоро оценили обстановку и собственные ресурсы. Запас автоматных патронов у них с Константиновым оставался в неприкосновенности, и у Ресовского имелись четыре полные пистолетные обоймы. Гранат тоже четыре.

Звуки стрельбы, многократно отражающиеся от потолков, стен и лестниц, отчего определить их точную локализацию было затруднительно, почти утихли, только где-то очень далеко, в противоположном крыле дворца, или уже на улице, короткими очередями бил ручной пулемет, ему сопровождали несколько автоматов. Похоже, защитники начали приходить в себя и выяснять, что же творится на самом деле.

– А ну-ка, Дмитрий, давай к окошку во двор. Смотри, как наши пойдут, свистни, тогда и мы двинем. Задача ближайшая – запасть оружием посерьезнее, задача последующая – соединиться с «главными силами». А ты, Тимофей, будешь нашим стратегическим резервом. Забирай гранаты и лезь обратно в трубу...

– Зачем, командир, я с вами лучше.

– Что лучше, что хуже – это мне знать положено. Твое дело – исполнять. Ползи по трубам со всей возможной скоростью в том же направлении, поглядывай, что снаружи творится. Увидишь скопление боевиков в подходящем помещении – бросай гранату, но так, чтобы тебя не обнаружили. Доберешься до вестибюля – затаись и жди. Мало ли, как оно сложится. Может, ты нашей последней надеждой окажешься...

Уваров считал, что шансов у них достаточно. Продержаться час, ну, может, два, а там войсковые группы начнут наносить удары по всем выявленным точкам скопления и дислокации противника, и мятежникам станет не до Бельведера. За ними, в свой черед, в дело включатся и регулярные формирования армии.

Насколько он успел понять обстановку в городе, гвардейская дивизия с бронетехникой, да еще поддержанная изнутри, наведет порядок в городе за трое, много – четверо суток.

Для него, боевого офицера, отслужившего, не вылезая из стычек по ту и эту стороны туркестанской границы, по меркам возраста, порядочно – четыре года, собственное положение сложным или каким-то особенно опасным не казалось. И не такое видели.

¹ Антресоли – в XVIII—XIX вв. – верхний, иногда заменяющий чердак, полуэтаж здания, дворца.

Вдесятером сутки отстреливаться от сотни басмачей из занесенного песками мазара² при температуре сорок пять по Цельсию в тени – не в пример хуже, чем слегка повоевать внутри роскошного дворца с отличными климатическими условиями и полной свободой маневра.

Да и сам по себе неприятель, насколько он успел с ним познакомиться, отнюдь не внушал того уважения, как воинственные до потери чувства самосохранения уйгуры, таджики и урянхайцы.

Напарник у него тоже был надежный, подпоручик Константинов. Человек-мутант, как он назвал его про себя при первом знакомстве. Появляются время от времени на свете такие люди непонятным божьим попущением. Вроде бы совершенно нормальный парень с обычной человеческой (точнее, офицерской) биографией: кадетский корпус, не самое престижное провинциальное училище, служба после производства там, куда не пошлют ни одного офицера, имеющего за спиной лапу даже с минимальным количеством волос.

И почти сразу же – слава, пусть временами и скандальная. Редкостный случай, когда живой человек становится персонажем армейских анекдотов, причем уважительных.

«Кто ездил на танке по азимуту через Урумчи? Подпоручик Константинов».

«Надпись на стене мечети в Бендер-шахе: „Русский солдат, что скажешь своей матери, когда вернешься домой?“ „Здравствуй, мама!“, подпись – подпоручик Константинов».

И так далее.

При этом биология. Многие специалисты считали, что у подпоручика мышцы не человека, а животного из породы кошачьих. Вчетверо большая удельная мощность на квадратный сантиметр сечения и как минимум вдвое более быстрая скорость прохождения нервного сигнала. По крайней мере, некоторые штуки, которые проделывал Константинов, находились явно за пределами нормы, как ее понимал Уваров, сам не последний спортсмен и боец.

Наверное, этим самым подпоручик внушал начальству опасение, а то и страх. Исключительный случай, но даже чин поручика, который в срок дается автоматически (сложности начинаются позже, как у самого Уварова), ему по необъясненным причинам задержали на полтора года. Зато с восторгом вытолкнули по первому же циркуляру о наборе в «Печенеги».

Там он сразу пришелся ко двору, и знающие люди сулили ему карьеру если не выдающуюся, то весьма приличную.

Раздался условленный, тихий, но пронзительный, на грани ультразвука, свист Константинова из глубокой оконной ниши, означавший, что взводы Рощина выбрались из люка, должным образом перегруппировались и пошли на штурм дворца.

По счастью, предрассветные сумерки еще не стали достаточно прозрачными, да и эту часть хозяйственного двора никто из боевиков не контролировал.

Стремительные серые тени рассыпались вдоль высокого цоколя. Техника бесшумного выдавливания стекол и вскрытия рам давно отработана, вторые номера парных расчетов перебросили ранцы и контейнеры с боеприпасами первым, проникшим в здание, и вот уже сверху не видно никого. И стрельбы с места вторжения не слышно, значит, самый опасный этап операции проведен успешно.

Дай им бог удачи.

Ресовский тоже исчез в проеме вентиляционного хода.

– Значит, Митя, и наша очередь! – Уваров привычно огляделся, все ли вокруг в порядке, оттянул рычаг взвода. Единственный, пожалуй, минус дегтяревского автомата, что стреляет он только с открытого затвора и предохранитель не слишком надежный. Ударишься невзначай прикладом, и вполне возможна несанкционированная очередь. Зато для ближнего боя ничего лучшего, чем этот древний автомат с диском на семьдесят два патрона, до сих пор не придумано.

---

² Мазар – культовое сооружение, глинобитное или каменное, над могилой мусульманского святого.

– Командир, слушай меня, – приподнял ладонь над плечом подпоручик. – Пошуметь мы еще успеем. Давай я впереди, ты – шагов на двадцать сзади. У меня – вот, – он подкинул на ладони ручной работы узбекский метательный нож. – И вот, – откуда-то из-под куртки извлек явно неуставного вида пистолет с коротким и толстым ребристым глушителем. – Идем тихо, сколько можем. Как только увидим людей с нужным нам оружием – мочим втихаря, снабжаемся, начинаем думать, что дальше делать. Ты как хочешь, а я без пулеметов в хороший бой лезть несогласный.

Уварову возразить было нечего. Правда, его собственный план был несколько иной, но составлялся он до того, как Константинов проявил инициативу. Вот только откуда у него лишний пистолет? Казенного оружия всем хватало, бери – не хочу, а тут младший офицер таскает при себе «пушку» очень несерийного образца. Уваров, к примеру, такой модели и в справочниках не видел даже.

– Это у тебя что? Откуда? – даже в столь нестандартной обстановке Уваров не хотел оставлять вопрос непоясненным.

– Был в патруле, на улице подобрал, – ухмыльнулся Константинов. – Проверил, работает нормально, а марки не знаю, тут что-то иероглифами наштамповано... А патроны «9 Пар» вполне подходят...

Ладно, не время и не место разбираться, не его это забота. Живыми вернемся, можно будет Леухину новинку показать.

– Ну, тогда вперед, Митя!

Этаж до первой ведущей вниз широкой лестницы они прошли свободно, за пару минут, считая время, потребное на беглый осмотр выходящих в коридор помещений. Не встретилось им по пути никого, и ничего для себя подходящего они не обнаружили.

В принципе, так Уваров и предполагал, сейчас все наличные силы мятежников должны были сосредоточиться внизу, готовясь к обороне, или к вылазке, зависимо от того, как их руководство оценивает обстановку.

На самом же деле прошло слишком мало времени, чтобы гарнизон дворца успел толком самоорганизоваться и выработать хоть какую-то тактику. По-прежнему не было единого командования и системы связи. Это для Уварова время тянулось удивительно медленно, а фактически взрыв прогремел лишь двадцать минут назад.

Но вот наконец внизу снова началось. Дружно замолотили родные автоматы, оглушительно, несмотря на расстояние, забухали дробовики «КС». Проникшие во дворец «печенег» столкнулись с дозорами и группами празднующих повстанцев, используя элемент внезапности, открыли шквальный огонь на уничтожение. Добрую половину первого этажа очистили сразу, рванулись по парадным лестницам вверх. Почти немедленно возникла ситуация классического «слоеного пирога», как бывает, когда штурмовые тройки и пятерки проникают в здания с большим, но разбросанным по многим, не связанным друг с другом позициям, гарнизонам.

Такой бой способен затянуться на неопределенное время с непредсказуемым результатом, особенно если ни атакующие, ни обороняющиеся не имеют достоверной информации и поддержки извне. Тут уж как повезет – у кого раньше кончатся люди и боеприпасы, тот и проиграл. Ну, само собой, моральный дух и четкость руководства тоже имеют значение.

С боем прорвавшись к командному пункту Рощина, Уваров с Константиновым, переводя дух и торопливо затягиваясь папиросным дымом, выслушали доклад поручика. Судя по всему, основная часть задачи выполнена. Потери мятежников никто не считал, но выходило, что счет должен идти на сотни, исходя хотя бы из расхода боеприпасов, которых оставалось очень мало. Собственные потери – трое убитых и одиннадцать раненых. По счастью, в основном легко.

– Будем отходить, – принял решение Уваров. – Дворец целиком нам не взять и не удержать. Да и на кой он, собственно говоря, нужен? Приказ был – пошуметь как следует. Сле-

лали. Захватить или уничтожить хотя бы часть высшего руководства – по полной программе. Дождаться подхода других штурмовых групп и передать им объект – вот тут извините. Не видно нигде этих групп, и рация не достает... Даже звуков нормального боя из города не слышно. Зато имеется указание – если силы противника окажутся превосходящими – отступить, нанеся на карту рубежи и огневые средства врага. Сделано. Так что мы «пред комбатом и господом богом чисты». Согласны со мной, господа офицеры? – для порядка осведомился он у Рощина и Константинова, чтобы в случае чего иметь возможность сослаться на решение «военного совета».

– А чего же, все правильно изложено, – согласно кивнули оба офицера.

– Тогда передать по отделениям – изобразив подготовку к очередной атаке, начинать отход перекатами, сюда. У кого нет возможности – самостоятельно прорываться к коллектору. Вот только где наш Ресовский? Так глубоко завинтился по своим трубам, что дорогу потерял? И связи с ним нет...

Словно в лучших традициях беллетристики позапрошлого века, в ответ на почти риторический вопрос Уварова из-под потолка донесся скрип отгибаемой решетки, посыпался мусор и раздался голос диггера:

– Здесь Ресовский. Гранаты раскидал, две обоймы расстрелял в направлении массового скопления противника, чем оказал посильную помощь нескольким попавшим в окружение бойцам, и вернулся в расположение согласно приказу.

Он свесил из зияющей на четырехметровой высоте дыры перемазанное пылью и паутиной до полной неузнаваемости лицо.

– Так прыгай вниз, и пойдём...

– Прыгнуть недолго, только обратно потом забираться трудно будет. Лучше пусть вас ребята подсадят, а я руку подам...

– Зачем еще? – не понял Уваров.

– У нас ведь проблемы со связью, кажется? Тут акустика хорошая, весь ваш разговор как по телефону слышал, пока подползал. Так вот, я по пути одну пустую комнатку обнаружил, а там телефонов штук десять, если не больше. Губернаторский пункт связи, наверное. Так, может, сбегает, попробуем хоть в какой-нибудь наш штаб дозвониться?

– Идея! Ты тут с одним отделением прикрывай позицию до последнего, – приказал он Рощину, – бойцов по мере подхода – вниз. Отправишь последнего, отходи сам. Нас не жди. Успеет – успеем, нет – будем добираться самостоятельно. В коллекторе оставишь дозор, остальным оттянуться по той трубе, откуда пришли, метров на сто. Ждете нас час. Потом – отходить на главную базу. Все тоннели, кроме эвакуационного, заминировать. Вопросы есть? Тогда давай...

– А я? – Константинов выглядел обиженным, что его не берут с собой на очередное интересное дело.

– Ты с Рощиным. Возглавишь последний заслон. Чтобы все ушли, и ни одна сволочь не поняла – куда. Растяжек тут повешай, и все такое. Не мне тебя учить...

– Это уж точно.

К стене подвинули тяжелую кадку с громадным фикусом, на нее запрыгнул Рощин, который был на голову выше Константинова, а с его плеч Уваров дотянулся до края люка. Рывком втянул тело в проем.

– Ну, води нас, Вергилий!

До комнаты связи ползти было не слишком далеко, но по времени это заняло больше, чем Уваров рассчитывал. А Ресовский вовремя не сообразил, что навыки перемещения по лазам и трубам у них с поручиком несравнимые. Да еще время от времени Валерий отвлекался, наблюдая через вентиляционные решетки отдельные фрагменты жизни развороченного муравейника.

То есть получалось так, что точку возврата они прошли раньше, чем достигли искомой цели, и в установленный ими самими срок вернуться к своему отряду уже не успевают.

Зато комната с телефонами, по счастью, была по-прежнему пуста. Да и кому сейчас она могла потребоваться? Большинство мятежников просто не подозревало о ее существовании, а если бы кто и знал, так достаточно других забот, когда неведомый враг атакует из-за каждого угла, гремят выстрелы и взрывы, и совершенно непонятно, чем все закончится.

Решетку выломали. Ресовский, повозившись, закрепил веревку, и они по очереди скользили вниз. Тимофей первым делом заклинил изнутри входную дверь и занял позицию возле смотрящего на площадь перед дворцом окна.

Утренний туман плыл среди деревьев, делая раннее октябрьское утро еще более серым и мрачным. В нескольких точках горизонта из-за крыш домов поднимались столбы более темного, чем туман, дыма. Видимость была плохая, однако позволяла убедиться, что ничего угрожающего или представляющего интерес для разведчика в пределах площади и прилегающих улиц не происходит.

Обыватели уже привыкли при малейшей опасности извне, выражающейся в стрельбе и перемещениях вооруженных лиц любой принадлежности, запирают попрочнее двери и ставни, скрываясь в комнатах, выходящих во внутренние дворы и тихие переулки. Каких-либо перемещений отрядов мятежников в сторону дворца тоже не наблюдалось, зато Уваров заметил, что из Бельведера, небольшими группами и в одиночку, отток происходит.

Самые здравомыслящие, пожалуй. Которым хватило ума сообразить, что рано или поздно дворец непременно станет зоной полномасштабных боев, даже если нынешнее вторжение штурмовой группы русских удастся успешно отразить.

Многие, как заметил поручик, разбегаются не налегке. Оружие не в счет, но объемистые рюкзаки, ранцы и узлы в руках и за плечами уходящих свидетельствовали о том, что в жилых и служебных помещениях дворца нашлось достаточно пригодных в хозяйстве и на продажу предметов. Да и то, ценности и антиквариат накапливались в Бельведере две полных сотни лет.

Но гораздо печальнее было то, что не наблюдалось никаких признаков активности регулярных войск и предназначенных к рекогносцировке штурмовых отрядов. Стрельба звучала из многих точек города, но нигде не достигала достаточного для оптимизма накала.

«Что-то не сложилось? – подумал поручик, – или наши с первых минут уперлись в хорошо подготовленную оборону? Странно, в общем». Но сейчас было не до большой стратегии, следовало думать о себе и судьбе вверенного подразделения.

Он просмотрел ряды установленных на длинном полированном столе разноцветных телефонов и факсов. В бюрократических тонкостях Уваров разбирался слабо и не совсем понимал, зачем их так много. Вполне хватило бы двух-трех, подсоединенных к автоматическому или даже ручному коммутатору. Но, очевидно, какая-то цель и обоснование этому были. Зря ведь обычно ничего не делается.

И как прикажете со всем этим разбираться, если никакого справочника поблизости не видно? Снимать трубки наугад? Или идти от логики? К примеру, изображенные на дисках золоченые орлы, скорее всего, обозначают связь с правительственными организациями, может быть, даже в самой столице. Ну так и проверим.

Он наугад снял трубку самого на вид дорогого и солидного аппарата цвета слоновой кости. В трубке загудело. После четвертого вызова, протяжного и мелодичного, когда Уваров уже начал терять надежду на успех своего предприятия, в телефоне щелкнуло, и он услышал несколько встревоженный мужской голос:

– Рубин слушает. Кто у аппарата? Откуда вы звоните?.

Ни малейшего акцента Уваров не уловил, и возникла надежда, что план его начинает удаваться. Терять ему было нечего, и врать не имело смысла. Враги, если они засели на теле-

фонной станции, и так узнают, с какого аппарата идет сигнал, а военных тайн он все равно выдавать не собирался.

Поручик назвал себя и, не вдаваясь в подробности, сообщил, что его отряд проник в Бельведер, ведет бой, связи со своими войсками не имеет и использует последнюю представившуюся возможность.

– А вы-то кто и где располагаетесь?

Собеседник немного помедлил и ответил, что на проводе приемная управления делами правительства России. Петроград. Мариинский дворец. Старший референт Огарков.

– Слушай, старшой, времени у меня совсем мало, воевать надо. Можешь меня переключить на любой военный коммутатор, а то здесь аппаратов чертова уйма, телефонной книги нет, перебирать все подряд – жизни не хватит.

Собеседник на той стороне коротко хмыкнул, похоже, оценил неумышленную остроту поручика.

– Чем же тебе помочь? Давай попробуем. На аппаратах номера написаны?

– Написаны, а что толку? О! – вдруг сообразил Уваров, – у тебя же там, наверное, все справочники есть! Ну-ка, ищи, какие выходят на штаб Варшавского округа, или Киевского, или Белорусского. А лучше бы – сразу Московского, или штаб Гвардии...

– Зачем тебе Гвардия, ты что, гвардеец? – поинтересовался невидимый собеседник, возя, наверное, одновременно пальцем по страницам справочника, а, скорее всего, щелкая клавишами электронной записной книжки.

– Ну! – машинально ответил поручик, слишком поздно сообразив, что не стоило бы афишировать участие гвардейских частей в событиях. Но – вылетело, так вылетело. И референт, очевидно, парень, в политике разбирающийся, должен все понять правильно.

– Вот, нашел. Есть там у тебя аппарат с номером «343»?

– Сейчас. Ага, вот он такой...

– Так это и есть связь с округами и центральными управлениями Военного министерства. Гвардии в списке нету, тут уж извини. Записывай коды. Удачи тебе, поручик. Что-то не получится, снова на меня выходи, я здесь буду, и кое с кем свяжусь пока, доложу о твоём звонке. У меня тоже служба. Когда выберешься, дозвонись до меня по такому вот номеру, интересно, чем твои дела закончатся. А я, может, тебе и еще пригожусь...

Что ж, хорошие люди везде встречаются, Уварову на них и раньше везло.

Удивительные все же люди – мятежники. Городские узлы и линии телефонной связи под контроль взяли, а губернаторскую АТС – нет. Вернее, под контролем она все-таки была, раз продолжала работать, и сидели сейчас где-нибудь поблизости техники, обеспечивающие функционирование аппаратуры, только вначале руководители повстанческого штаба намеревались использовать (и наверняка использовали) узел в своих целях, а последние два часа задумываться о том, чтобы как-то контролировать работу АТС, просто было некому.

Впрочем, это тоже большой вопрос. Вполне может найтись инициативный и ответственный человек, который заинтересуется, а кто это вдруг начал названивать по российским линиям. И примет соответствующие меры – то ли отключит станцию, то ли направит сюда людей для проверки. Последнее, впрочем, очень маловероятно, а вот первое – вполне.

Поэтому следовало спешить.

Уваров сравнительно быстро вышел на Минск, в категорической форме, тоном большого начальника потребовал у оперативного дежурного соединить его со штабом спецопераций в Белостоке, а уже через него, располагая нужными позывными, добрался и до группы Стрельникова. Круг получился большой, но система армейских коммутаторов работала четко и слышимость была весьма сносная. Хотя, конечно, забавно – разговариваешь через пятьсот с лишним километров телефонных проводов с людьми, находящимися почти в пределах прямой видимости.

Здесь он и узнал, что войсковая операция была отменена буквально в последний момент, сообщить о чем ему, Уварову, не удалось по причине непрохождения радиосигнала. Оно и понятно, в тот момент группа продвигалась на приличной глубине, а батальонные радиостанции пока что не способны работать сквозь бетон и камень.

О причине изменения планов дежурный капитан ничего не мог пояснить, просто продублировал сильно опоздавший приказ и от себя посоветовал сматываться побыстрее, указав квадраты, где, по данным разведки, берег Вислы повстанцами не контролировался.

И на том спасибо.

В зловонные канализационные каналы Уварову возвращаться страх как не хотелось, тем более что, по его расчетам, воздуха в баллонах изолирующих противогазов оставалось едва на полчаса. И если даже ребята и будут их ждать, вместе со спецкостюмами, внутри коллектора, большую часть пути придется дышать исключительно смесью аммиака с сероводородом. А вдобавок район, куда выводили сточные трубы, не значился в перечне безопасных. Если отряд в сорок штыков еще имел шанс прорваться с боем, то еще двоим, да еще по горячим следам товарищей, это вряд ли удастся. Как раз попадешь в самую заваруху.

Зато был другой вариант, при здравом размышлении и некотором везении – куда более простой и безопасный. Опыт же работы под польского повстанца у него имелся, знание языка – тоже, и попытка пробиться к своим поверху казалась вполне реализуемой.

Вдобавок она позволила бы принести самые свежие разведанные об обстановке, раз уж не случилось общей «Большой рекогносцировки».

Посоветовавшись с Ресовским, поручик принял решение. По старой армейской привычке – не оставлять врагу исправной боевой техники, они аккуратно вывели узел из строя. Не крушили все вокруг, а в самых неприметных и неудобных для работы местах перерубили телефонные и питающие кабели, срезали и привели в полный беспорядок жгуты разноцветных проводов внутри коммутационных коробок. Теперь тут даже специалистам по обслуживанию именно этого узла работы хватит надолго, а простому связисту без схем и соответствующего оборудования вообще не разобраться.

По одной из многочисленных боковых лестниц спустились на первый этаж в удаленном от недавнего поля боя крыле дворца. Легкость и относительная безопасность передвижения, безлюдье комнат и коридоров, по которым они шли, наводили на мысль, что при более тщательной подготовке к операции, правильном распределении сил и продуманной тактике, теми же силами, что были в его распоряжении, поручик свободно мог бы захватить и сколь угодно долго удерживать большую часть дворца практически без потерь.

Достаточно было еще до рассвета, по-тихому, в случае необходимости работая только ножами, просочиться сквозь пустынные коридоры и боковые лестницы до его обитаемой части. После чего, прикрыв свои опорные точки баррикадами из мебели, сейфов и прочих подручных средств, наносить внезапные точечные удары по скоплениям противника. Обходными путями, в том числе и через вентиляционные ходы, все время сжимая мешок.

Хорошо могло получиться, имей Уваров конкретный приказ и хотя бы сутки времени на подготовку. И тут же поручик себя одернул. Нечего тешиться беспочвенными мечтаниями. В таких делах спланировать наперед ничего нельзя по определению. Никто не может предвидеть, в какую сторону побегут и какие позиции станут занимать муравьи в разворошенном муравейнике. А не взорвал бы он совершенно случайно вражеский штаб, неизвестно, как развернулись бы события.

В том, что им с Ресовским до поры удастся беспрепятственно тут маневрировать, нет ничего странного. Дворец столь обширен, что относительно небольшой постоянный гарнизон, вместе с только начавшими перебираться сюда органами «новой власти», просто не успел

занять и освоить все его этажи с многими сотнями помещений. А сейчас тем более – до сих пор ни разбежавшимся, ни убитым и ни раненым мятежникам, за исключением самых отчаянных мародеров, нет никакого резона углубляться в лабиринт, где в любой момент можно схлопотать шальную или прицельную пулю.

Стрельба в центре здания давным-давно стихла, что означало – штурмовым группам удалось благополучно покинуть Бельведер. Через одно из выходящих во внутренний двор окон поручик рассмотрел, что крышка люка коллектора аккуратно задвинута.

Что ж, все правильно. Условленное время вышло, и ребята точно выполнили приказ. Конечно, если бы Уварову все же пришлось отходить прежним путем, тем более с боем, заминка перед закрытым люком могла бы дорого им с Ресовским обойтись. Зато теперь неприятель далеко не сразу сообразит, каким путем воспользовались российские штурмовики.

Способ обеспечения собственной амбаркации³ подвернулся случайно, но очень вовремя.

Угловую ротонду одного из поперечных крыльев дворца, со следами пуль и гранатных осколков на стенах и мебели, не так давно занимал пост мятежников. Позиция здесь была хорошая, позволявшая держать под контролем как подходы к ограде дворцового сада со стороны площади, так и мостики через каскад прудов, уютный внутренний дворик с мраморными статуями и несколько ведущих к нему аллей.

В случае попытки штурма извне это направление преодолеть атакующим было бы непросто. Но позицию взяли с тыла. Причем, судя по всему, походя. Одна из групп «печенегов», продвигаясь своим маршрутом, выскочила на эту заставу, сориентировалась быстрее неприятеля, навскидку посекала мятежников точным автоматным огнем, забросала гранатами и пошла себе дальше.

На поле боя, вымощенном дорогим узорчатым паркетом, по которому полагается ходить, надев поверх обуви войлочные чуни, а сейчас закопченном и грязном, с выбитыми и расколотыми плашками, усыпанном гильзами, битым стеклом, забрызганном кровью, валялись в разных позах восемь человек, одетых разнообразно, но достаточно практично для городской партизанской войны.

Знаками отличия служили уже знакомые Уварову бело-красные нарукавные повязки, а в качестве новинки – крупные, заводским способом изготовленные кокарды с красными буквами «NSZ»⁴ поперек груди белого орла.

У низких подоконников – два опрокинутых пулемета «МГ-34» на треногах, несколько круглых ребристых коробок с лентами, иное оружие и снаряжение. Не удалось парням пострелять по русским, те оказались проворнее.

Один из пулеметов на вид был в полном порядке, и Уваров решил усилить им свою огневую мощь, а также снять с убитых для дальнейшего использования кокарды и повязки. Здесь обнаружилось, что один из боевиков еще дышит, хотя и без сознания. Ран у него было две: пулевая – в правую сторону спины, пониже лопатки, и осколочное в бедро. Совсем хорошо. Не для него, а для мгновенно возникшего плана.

Раненого перевязали, ввели протившонок, не из абстрактного гуманизма, а чтобы пожил подольше.

Из обоих пулеметов и кожаных курток мятежников соорудили носилки, продев стволы пулеметов в рукава, уложили на них боевика и смело, теперь уже ничего не опасаясь, понесли прямо к центральному входу.

Роль себе Уваров избрал прежнюю, добровольца из Канады, магистра-историка, что позволяло не беспокоиться об акценте. Ресовский же, не знавший польского, но практически свободно владевший английским, усвоенным во время многочисленных экспедиций в разные

³ Амбаркация – возвращение морского десанта на свои корабли после выполнения задачи. Или неудачи высадки.

⁴ «Народовы силы збройны» – народные вооруженные силы.

экзотические уголки Индии и обеих Америк, должен был изображать его приятеля, безыдейного искателя приключений.

Неся импровизированные носилки на плечах, с трофейными автоматами поперек груди, они беспрепятственно проникли на подконтрольную мятежникам территорию. У многих из попадавшихся на пути боевиков тоже виднелись свежие повязки. Одни выглядели возбужденными, другие, наоборот, подавленными и погруженными в себя, но и те, и другие абсолютно не интересовались ни личностями, ни лингвистическими способностями наших героев.

Напрасно Валерий расспрашивал, имеется ли в здании хоть какой-нибудь пункт серьезной медицинской помощи. Чаще всего спрашиваемые пожимали плечами и тут же начинали задавать не имеющие отношения к делу вопросы – из какого отряда, откуда идут, что видели и с кем сражались. На что получали обтекаемые и не несущие значащей информации ответы типа: идем с позиции, видели «дьябла и его дупку»⁵, сражались с русскими, судя по сплошному мату, а там кто его знает. Навалили москалей без счета, а остальные разбежались. Обычно этого оказывалось достаточно, чтобы не приставали. И никто ни разу не взялся уточнять, к какому все же подразделению они относятся и кто у них командир.

Кадрового офицера Уварова все это радовало. С противником такого уровня организации воевать можно, только бы начальство не мешало.

Лишь единожды, уже на последней трети пути, попался им сильно бдительный и вдумчивый пан. Вызывалось это, скорее всего, его возрастом, лет за сорок, и, возможно, некоторой приближенностью к властным структурам, бывшим или нынешним. То ли идейной, то ли чисто топографической, в том смысле, что находился он всего в нескольких десятках метров от главного узла обороны здания, никуда не спешил, удобно устроившись на диване в окружении нескольких бойцов по-младше, избыточно вооруженных.

Очевидно было, что непосредственно в боевых действиях они еще не участвовали, переживая самые опасные и беспорядочные минуты в укреплении. А теперь, к примеру, этот пан наваривает себе некоторый политический капитал, пользуясь выгодами нынешнего положения. Враг отброшен, прежнего руководства больше не существует, вот и шанс перехватить моментально оказавшуюся бесхозной власть. Хотя бы в масштабах Бельведера и ближайших окрестностей. Кто взял, тот и прав.

По известному принципу Уваров обратился к нему первый, беря инициативу на себя.

Они с Ресовским опустили носилки на пол, синхронным движением утерли пот со лба. Раненый-то у них был настоящий и весил порядочно.

– Так что, паны, так есть здесь хоть какая-то врачебная служба? Товарищу плохо, пуля внутри застряла, умрет без операции, – осведомился поручик, будто невзначай сдвигая локтем автомат в удобное для стрельбы положение. – Или у вас только стрелять умеют, а чтобы лечить – так уже и нет?

– У вас, у нас, что это ты разделяешь? Сам-то откуда, что здесь делаешь?

– За свободу воюю. И привык, что все с умом должно делаться. Мы бьемся, командиры должны заботиться. Не видишь, человек умирает, а ты болтовню развел. Есть врачи – говори, нет – в городскую больницу повезем. Хоть машина-то здесь найдется?

– Что-то, парень, не больно чисто ты по-нашему говоришь. И сильно крутым себя считаешь, так, нет? Какого отряда? Кто старший?

Прежний опыт показывал, что с ясновельможным паньством лучше всего удаются разговоры с позиции силы и шляхетской неподлежности⁶. Пан тот, кто в шляпе, как гласит старая поговорка, в данном же случае – еще и с автоматом.

---

⁵ Черта и его задницу (польск.).

⁶ Независимости, непокорности (польск.).

– А ты кто такой, чтоб меня спрашивать? Может, лучше я тебя спрошу? Почему это мы все в крови и грязи, патроны кончаются, и стволы повыгорали, а вы чистенькие, копоти пороховой ни на руках, ни на щеках нету, а нам вопросы задаете?

Подбавив в голос злой истеричности, он двинул головой в сторону Ресовского, и тот, криво улыбаясь, уже повернул ствол в нужном направлении.

– А ну, быстро, вот ты и ты, – поручик тоже положил палец на спуск «дегтярева», ткнул дырчатым пламегасителем в парней покрепче и, на вид, поопаснее других (таких первыми и нейтрализовывать), – подняли носилки, и бегом, на улицу! До первой же машины. И мы Яцека в госпиталь повезем. А ты, папаша, другой раз не зли попусту людей. Мы, кто с ночи здесь воюет, нервными стали! Невзначай и стрельнем, под горячую руку. Все равно никто разбираться не будет. Все понял?

И столько было в голосе Уварова сдерживаемой беспшибашной злости (а ведь и было с чего нервничать, надо только уметь вовремя сменить вектор тревоги и злобы), что поляк стушевался.

– Ну, ладно, только вы спокойнее, спокойнее, ребята. Своим бы ссориться не надо. Извините, если не совсем так сказал. Однако ведь и обстановка здесь, сами понимаете... А медслужбы здесь никакой нет, никто ведь к такому не готовился. Вот и устраиваются кто как может. Друг другу помощь оказывают, «Скорую» вызывают, до больниц своим ходом добираются. Ну и вы давайте, тут до госпиталя всего ничего.

План эвакуации, придуманный Уваровым, действительно оказался идеальным. И из дворца вышли без дополнительных проблем, фургончик подходящий реквизировали, и через весь город проехали, собрав попутно ценную информацию. Патрули мятежников останавливали их всего два раза, и, заглянув в салон, тут же отпускали, попутно подсказывая, где ближайшее от этого места лечебное учреждение и как туда удобнее проехать. Самое забавное – никто не поинтересовался, где именно был ранен их товарищ. Впрочем, спорадические перестрелки вспыхивали то и дело в самых разных районах города, и приходилось старательно объезжать эти очаги, фиксируя их расположение на клочках бумаги.

Последний рывок через условную линию разделения «мятежной» и «правительственной» территорий, и, бросив руль и закуривая, Уваров с удовлетворением сообщил Ресовскому, что они в очередной раз натянули костлявой нос. И могут рассчитывать на очередные ордена и звездочки на погоны.

– Мне ваши звездочки – сугубо без разницы. В мои годы приличнее быть прапорщиком запаса, чем пожилым подпоручиком. А твои – обмоем с удовольствием.

– Мы и без этого обмоем. Немедленно после представления по начальству.

Стрельникова удалось разыскать довольно быстро. Получив сообщение от оперативного дежурного, полковник сам немедленно явился на КП «печенегов» и отдал приказ по всем подразделениям и службам – при выходе группы из вражеского тыла доставить к нему Уварова немедленно. О том, что может случиться и иначе, он старался не думать.

Оптимизм полковника не обманул, Уваров появился даже раньше своего отряда, причем доставил «языка» (пусть и полумертвого) и ценную информацию. В принципе, так и должно быть всегда, кадровый «печенег» просто обязан возвращаться с выполненным заданием, и обязательно живым.

Часа полтора поручик подробно докладывал о проделанной работе, по памяти и наброскам в полевой книжке наносил на карту текущую обстановку.

А тут вдобавок поступило сообщение, что отряд, возглавляемый поручиком Роциным, вышел в распоряжение почти в полном составе. Теперь снимался последний сомнительный вопрос, а отчего это вдруг Уваров вернулся из рейда, оставив в тылу врага свое подразделение.

Вслух его, конечно, Стрельников не задавал, просто принял к сведению версию поручика (подтвержденную Ресовским), но, если бы группа не вернулась или возвратилась с тяжелыми потерями, вопрос непременно возник бы, не у него, так у вышестоящего начальства, потому как потеря двух офицерских взводов – это вам не шуточки.

За polegший в атаке стрелковый батальон не спросили бы, а уж тут – извольте бриться! Тем более что командир вот он – цел и невредим. Лучшего козла отпущения не сыскать. И никому не будет дела, что там случилось на самом деле, соответствовала поставленная задача возможностям группы или нет и почему не состоялась назначенная рекогносцировка.

В итоге Стрельников поблагодарил Уварова за службу, заверил, что без достойной награды он и его люди не останутся, и отпустил, чтобы тот побыстрее встретился со своим отрядом и прилично, но в меру отметил возвращение и общий успех дела. Достал из сейфа бутылку армянского коньяка и щедро отмерил поручику сто грамм, сам ограничившись пятьюдесятью.

На заданный после этого в лоб вопрос (после совместного распития субординация как бы на время отодвигалась за кадр) – а по какой такой причине все же была отменена рекогносцировка, успех которой был бы очевиден всем, хотя бы исходя из того, что видел и что сумел сделать сам Уваров с не таким уж мощным отрядом, последовал ответ на грани искренности.

– Мы с тобой люди военные – так? – С этим утверждением Уваров спорить не собирался.

– Они там, – полковник значительно поднял палец, – политики. Насчет того, что это такое, хорошо описано у Салтыкова-Щедрина. Я недавно по твоей подсказке перечитал – понравилось.

Политики в последний момент решили, что рекогносцировка пока не нужна. Нам осталось подчиниться. От себя скажу так – но не для передачи – наверху, похоже, просто не решили, что делать в случае успеха, если бы он обозначился. Ты газет не читаешь, и правильно делаешь, а мне приходится.

Ты ж имей в виду, мы – люди княжеские, находимся здесь как бы и незаконно. И сам Олег Константинович государственной властью не располагает. Формально все решает Питер. А там – змеиное гнездо. Кто-то, на мой взгляд, боится, что мы можем выиграть кампанию слишком быстро и они не успеют порешать свои собственные шкурные дела. А другие, напротив, опасаются, что молниеносного успеха не случится... Вот, наверное, пока побеждают первые... Ты меня понял?

Понимать тут особенно было нечего, примерно в таком ключе они с инженером Леухиным рассуждали ровно неделю назад, разве что противно стало до невозможности.

– Трое моих офицеров погибли – и за что? Думали – за общее дело, а получается?

– Не твое дело – рассуждать. Война другой и не бывает. Только это не всегда заметно. Живой вернулся – и радуйся. До следующего раза. Все понял? Тогда свободен. Иди к своим ребятам. До утра беспокоить не буду...

Глава вторая

Любому военачальнику, политику, а тем более лицу, де-юре или де-факто объединяющему в себе обе эти функции, жизненно необходимо владение достоверной и полной информацией о происходящем в стране и за ее пределами. Желательно – в режиме реального времени. К сожалению, одних и, к счастью, других, обычно это невозможно.

Информация имеет объективное свойство запаздывать. Хуже того – искажаться, вольно или невольно, на этапах обработки и продвижения по инстанциям. И уже на предпоследнем этапе она оказывается в полной власти людей, имеющих право и возможность решать, какие именно материалы необходимы и достаточны первому лицу. То есть, по большому счету, лидер далеко не всегда может быть уверен, что принимает судьбоносное решение с истинным знанием дела.

Вот это и мучило сейчас премьер-министра Российской державы и одновременно, в случае введения военного положения, Верховного главнокомандующего. Следует ли уже объявлять о принятии на себя исполнения означенной должности и создании Ставки Главковерха или подождать еще немного?

Россия с очевидностью втягивалась в войну (или ее туда втягивали некие силы, природа которых Каверзневу до сих пор так и не была ясна). А будущий народный вождь никак не мог понять, какие именно действия следует предпринять немедленно, чтобы этой войны в последний момент избежать. Или же, согласившись с неизбежным, выиграть кампанию молниеносно и с минимальными жертвами.

Да и что прикажете делать, если, по сообщениям Разведуправления Генштаба, варшавский гарнизон, застигнутый действиями повстанцев врасплох, единой боевой силы более не представляет. Несколько достаточно крупных, компактно расположенных подразделений и частей способны хотя бы удерживать собственные военные городки. Держится в громадных каменных корпусах на окраине города Константиновское артиллерийское училище с двумя тысячами юнкеров и офицеров. Но слишком много военнослужащих всех рангов, от рядовых до полковников, погибло в первый день восстания, в индивидуальном порядке и группами пробилось на восток только с легким стрелковым оружием, а то и без него, просто пропало без вести.

Еще около трех дивизий отдельными полками и батальонами разбросаны по всей территории Привислянского края и использованы для подавления мятежа быть не могут по простой, как апельсин, причине – они намертво привязаны к местам расквартирования, представляющим собой по преимуществу склады и базы хранения военной техники.

Выведи войска в поле (куда, против кого?), и нет гарантии, что десятки тысяч единиц танков, бронетранспортеров, артиллерийских орудий и автомобилей, миллионы патронов и снарядов не будут захвачены инсургентами, ждущими именно этого опрометчивого шага русских.

Каверзнев был признанно талантливым политиком, ярким оратором, почти трибуном. Много лет в меру успешно руководил правительством и государством и в военных вопросах понимал достаточно, на своем, естественно, уровне. Непосредственно командовать дивизиями и корпусами от него не требовалось, те времена прошли, а вот ставить генералам грамотные и достижимые стратегические задачи – непременно.

В данный же момент Владимир Дмитриевич осознавал, что вот этого как раз он сделать не может. Если, конечно, не ограничиться тем, чтобы вызвать начальника Генштаба генерала Хлебникова, ткнуть пальцем в карту и приказать: «Окружить, уничтожить, разоружить и доложить! А как вы это будете делать – меня не касается». Были уже такие правители, руководили подобным образом, но конец их (и возглавляемых ими стран) обычно оказывался печальным.

Телефонные консультации с главами Германии, Франции и Великобритании успокоения не принесли.

Никто из них, разумеется, о поддержке мятежников не заявил, но тональность разговоров была примерно одинаковой (заранее сговорились, сволочи!) – «Прискорбные события в Варшаве и Привислянском крае, безусловно, являются внутренним делом Российской державы, и члены Союза будут всячески приветствовать скорейшее восстановление законности и порядка. Вместе с тем никак нельзя оправдывать чрезмерное применение силы, полностью игнорируя такие-то и такие-то пункты международных соглашений о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, разумеется, с соблюдением всех предусмотренных процедур. С этой целью Тихо-Атлантическое сообщество готово оказать помощь и содействие при проведении консультаций и переговоров между всеми участниками конфликта (это ж надо – „конфликта“! Посмотреть, о каком „конфликте“ пошла бы речь, начнись у них полномасштабные восстания сторонников отделения Шотландии, Эльзаса с Лотарингией или Бургундии!).

Кроме того, Устав Союза не предусматривает участие его членов в разрешении политических кризисов на территории суверенных государств до тех пор, пока указанные кризисы не представляют прямой угрозы самому существованию Союза и реализации установленных его Уставом задач».

Из всего этого с очевидностью следовало, что утихомиривать бунтовщиков авторитетом и силой международного сообщества никто не собирается, а вот применить санкции против России и при первой же возможности признать независимость Польши обещано со всей доступной в дипломатии осторожностью и прямотой.

Положив трубку, Каверзнев остался сидеть перед телефоном «горячей линии», непроизвольно дергая щекой и почти смакуя охватившие его горечь, раздражение и унижительное чувство человека, вынужденного утереться в ответ на изысканное публичное оскорбление.

Зря он, конечно, предварительно не обсудил эти переговоры с Великим князем. А может быть, как раз правильно сделал.

Впрочем, определенные плюсы есть даже и в этой ситуации. Крайне облегчается принятие *окончательного решения*. Мосты, считай, сожжены. Продолжать руководить Россией при таком раскладе – значит выкопать себе политическую (а то и реальную) могилу практически при любом исходе. Что сдать партию полякам и «союзникам», что железной рукой привести край к покорности – в любом случае это значит *влипнуть* в мировую историю либо «предателем», либо «палачом». Нет ни малейших оснований продолжать цепляться за власть.

С другой стороны... Сколько уже времени сверлит мозг и душу последний разговор с Великим князем. Когда тот сделал совершенно неожиданное, в нормальных обстоятельствах даже невозможное предложение. Ему, законно избранному главе Великой державы!

Взять и вот просто так сложить с себя полномочия! Минуя все предусмотренные законом процедуры. А всю полноту власти передать Местоблюстителю, который немедленно объявит себя не кем иным, как «Олегом первым, Божьей поспешествующей милостью Императором и Самодержцем Всероссийским, Московским, Киевским, Владимирским, Новгородским; Царем Казанским, Царем Астраханским, Царем Польским, Царем Сибирским, Царем Херсонеса Таврического, Царем Грузинским и иных земель Наследным Государем и Обладателем, и прочая, и прочая, и прочая...».

Абсурд на первый взгляд в наши-то дни, в начале третьего тысячелетия. Но это на первый, а на второй и следующие?

Конституция ведь такого поворота событий отнюдь не исключает, а в некотором смысле даже и предусматривает. Что настанет вдруг какой-то «России смутный год», и потребуются для ее спасения восстановить монархию, на время или навсегда, и одновременно появится человек, правом, обычаем и собственной волей достойный возродить и унаследовать этот титул. И он

его возьмет и на себя возложит. Как бы там ни сопротивлялись некоторые свободомыслящие граждане, с таким поворотом событий не согласные.

Казалось бы, кому, как не ему, премьеру и лидеру одной из крупнейших партий, прославившей себя в былые времена беспощадной борьбой против самодержавия, возглавить сопротивление поползновениям узурпатора во имя демократии и пострадавших в вековой борьбе прав и свобод?

А чем сопротивляться? Силой? Вооруженной или идейной? Ну пусть кто-нибудь предложит, где взять эту силу и эту идею! Ему же, премьер-министру одной из сильнейших мировых держав, нечего противопоставить силе, только что о себе заявившей. Парадоксально, но факт.

Тем более что «польский инцидент» – это только начало. Дашь хоть немного слабину, могут вспыхнуть Закавказье и Туркестан, возопят о независимости всяческие в прошлом суверенные, целиком или частично, ханства, бекства, эмираты и шамхальства⁷. Воспрянут сепаратисты Карса, Ардагана, Ванского пашалыка. В сотнях мест затрещат китайская, корейская, персидская границы. У всех есть исторические обиды и территориальные претензии.

При таком раскладе Каверзнев на белом коне себя не видел!

На прошлой встрече, когда в полный рост встал вопрос о передаче власти (вроде бы совсем недавно), выждав необходимую паузу, показавшую, что ход мыслей собеседника ему понятен, князь улыбнулся самой располагающей из своих улыбок и сообщил, что, если прийти к доброму между ними согласию, он, Владимир Каверзнев, избавлен будет от мучительных сомнений и непосильной ноши. И выиграет неизмеримо больше того, что имеет сейчас.

«Нет-нет, только не воображайте, что я собираюсь вас каким-то образом подкупить! Я исключительно в возвышенном смысле. Как политик и Гражданин, вы, несомненно, более всего озабочены процветанием Отечества и в то же время – реализацией собственной партийной программы, направленной к той же цели. Читал, знаю.

Так вот, приняв мое предложение, вы разом достигаете и того, и другого. А поскольку мы с вами одновременно люди служивые, то вопросы карьерного роста не волновать нас не могут. Петр Великий, как известно, ввел чины и награды именно для того, чтобы дать каждому подданному возможность не только преданно служить Государю и Отечеству, но и получать за службу явное и всем очевидное обозначение степени ее успешности. Вот и вы станете при Монархе, кем сами захотите.

Великим визирем, или лордом-протектором, председателем Боярской Думы, Всероссийского Собора, несменяемым Канцлером! Не суть важно. Придумайте себе любую должность и ее наименование, и я словом своим, честью своей поручусь, что так оно и будет. Никакого умаления своих интересов и прав вы не понесете, а возможности самореализации возрастут несравненно!

И наследственные уделы вы получите, и потомки ваши будут носить достойные титулы, и до века сидеть на почетном месте по правую руку от Императоров Всероссийских...

Князь, слегка архаизируя свою речь, одновременно старался, чтобы слова его звучали значительно и серьезно и чтобы собеседнику ясна была легкая ирония. Но не в личный адрес собеседника, а по поводу ситуации, как таковой.

– Есть же разница – избранный волею охлоса⁸ премьер, который сегодня на коне, а завтра, коль на выборах не задалось, снова в присяжные поверенные подавайся? Или же – пожизненный Канцлер с мундиром и потомственный ближний боярин Государя?

---

⁷ Наименования входивших в состав Российской империи феодальных образований, принявших протекторат «Белого царя».

⁸ Охлос – толпа, городская чернь, быдло (древнегреч.).

Каверзневу хватило здравомыслия, чтобы удержаться от того, что требовали его личная порядочность и политическая роль. Много ли толку биться лбом в стену, делая при этом значительное лицо? Мы конечно, гордые, а все равно бедные.

– Хорошо, Ваше Императорское Высочество, – спокойно ответил он. – А каким образом наше «сердечное соглашение» может быть юридически оформлено? Чтобы завтра, или через десять лет не случилось так, как уже многократно случилось в истории?

Ответ у Олега Константиновича был готов.

– Единственно – Поместным и Земским Соборами. Соберутся они с согласия Думы и при моих гарантиях. Там все и утвердим. В том числе и Жалованную Грамоту.

Я в ней изложу все, о чем мы с вами договорились касательно статуса вас и ваших потомков на весь период правления Династии. Естественно, минуя некоторые штрихи и детали, но всему остальному будут приданы гарантии конституционного уровня. Мы же с вами цивилизованные люди, люди чести. Двадцать первый век на дворе. Утвердим, подпишем, Государственный Совет своим рескриптом гарантирует, Конституционный Суд предусмотрит санкции за нарушение условий, Патриарх и иные первосвященники благословят, о чем еще речь?

Да, действительно, сомневаться Каверзневу было не в чем. Таким образом оформленное соглашение желаемые гарантии обеспечивало. Правда, оставались и еще кое-какие тонкости.

– А как, простите за любопытство, Ваше Высочество, вы думаете обеспечить такую вот передачу власти? Как это будет выглядеть со стороны и что должен, на ваш взгляд, сделать лично я в ближайшее время?

– Не надо вам ничего делать, Владимир Дмитриевич. Делайте исключительно то, что делали всю вашу предыдущую службу на этом посту. Лучше, если бы вы немедленно забыли вообще о нашем разговоре. Ну, встретились, ну, посидели, водки выпили. И разошлись.

Оставайтесь самим собой. Даже можете на сегодняшнем Госсовете проявить особую агрессивность в моем отношении, в рамках своей партийной программы. Я, в свою очередь, тоже в долгу не останусь. Изложу кое-что из того, что вам уже сказал, в специальной редакции, для общего употребления пригодной. Поспорим, поругаемся, да и разойдемся. Заодно расклад ваших и моих сторонников в Госсовете узнаем. Спешить-то нам особенно некуда, это историческое время не терпит, а обычное – пока еще вполне.

Пресса пусть по поводу текущего момента и наших разногласий пошумит. Запросы парламентские пойдут. Запад как-то отреагирует на экстремистскую позицию лишенной реальной власти и тешащегося безответной болтовней регента. Да и стихнет все помаленьку.

Там, глядишь, кризис какой-нибудь правительственный сам собой назреет. Кабинет в отставку подаст, а то вдруг повод и Думу распустить появится. Вот тогда...

А пока время есть, вы, конечно, набросайте полный список вопросов, которые нам следует решить. И людей, лично вам полезных, припомните, их ведь тоже устроить и обласкать нужно будет. Всегда, знаете, неприятно, когда между партнерами в серьезном деле вдруг всплывают непроясненные проблемы...

Каверзнев на самом деле вообразил тогда, что времени у них предостаточно, что соглашение действительно не требует немедленных действий, а в процессе их с князем дальнейшего неформального общения могут сами собой открыться какие-то новые «окна возможностей».

Главное же – он надеялся, что их с князем «антанте кордиаль»⁹ обеспечит на обозримый период общеполитическую стабильность в стране и обществе. На фоне неблагоприятных тенденций, обозначившихся во *внешнем мире*, это было крайне важно независимо от личных интересов премьера.

---

⁹ Сердечное согласие (франц.).

А оно вот как обернулось. Знал ли сам Олег Константинович о подобном развитии событий? Или просто в очередной раз проявил свое необыкновенное политическое чутье? Инстинкт прирожденного правителя, воина и расчетливого игрока в покер?

Вопрос интересный, но сейчас – неактуальный. Сейчас нужно звонить, или, лучше – просить о немедленной приватной встрече, на которой обсудить текущую обстановку и договориться о сиюминутных практических действиях.

Великий князь, как показалось Каверзневу, ждал его звонка. По крайней мере, трубку взял почти немедленно, и нимало не удивился предложению обсудить текущий момент.

– Совершенно с вами согласен. И советую вылетать немедленно. Никого, кроме ближайшего окружения, не ставя в известность. Совершенно, между прочим, случайно, сейчас в Петрограде находится офицер моей свиты с личным самолетом. Если вы готовы морально, я прикажу ему задержаться. Думаю, трех часов вам будет достаточно.

Такая спешка для главы государства как минимум несолидна, но ведь, с другой стороны, и события творятся неординарные. Какой ответственный и решительный политический деятель в подобных случаях проявил бы преступную нерешительность и глупую фанаберию¹⁰, больше заботясь о пунктах протокола, нежели о пользе дела?

– Я согласен, передайте, пусть прогревают моторы.

– Вот и твой Рубикон, Владимир Дмитриевич, – вслух произнес Каверзнев, одновременно резко встряхивая серебряный колокольчик, стоявший у письменного прибора. Камердинер появился почти одновременно с последним затихающим звуком.

– ... Таким вот, значит, образом обстоят дела, – подвел итог Олег Константинович, заканчивая излагать обстановку по карте Польши и подробному плану города Варшавы. – Пехота внутренних округов на данный момент к походу за Сан и Вислу совершенно не готова. Гвардейским дивизиям на переброску и боевое развертывание, при всем моем желании, требуется еще не менее недели. Да и потом придется действовать крайне осмотрительно, если мы не хотим положить лучшие кадры в бесполовых уличных стычках.

Бессмысленная гибель Гвардии в мазурской мясорубке пятнадцатого года привела Россию к катастрофе восемнадцатого. Всякое дело приносит успех, любил говаривать Петр, будучи надлежащим образом соображено. Чем мы сейчас и занимаемся. И будьте уверены, как только мне доложат, что рекогносцировка завершена и войска полностью готовы, промедления не будет. Это о военной составляющей нашего вопроса. Что же касается политической... Я, помнится, не так давно вам говорил, что Запад нас предаст непременно, а вы возражали, что представить себе не можете, как именно, а главное – зачем это может быть сделано. Тогда тема развития не получила, не было у меня настроения и времени на праздное теоретизирование.

– А сейчас оно появилось? – не сдержал сарказма премьер.

– Вот именно. Временем мы с вами располагаем, поскольку настоящее дело делают другие, мы же, приняв руководящее решение и отдав все необходимые распоряжения, обречены ждать, какие результаты из сего впоследствии. А заодно можем и порассуждать о причинах и следствиях...

– О королях и капусте¹¹, – вставил Каверзнев. Он не то хотел сострить, не то проявить эрудицию, а вернее всего – просто удержаться на равных в беседе с человеком, перед которым капитулировал в основном и главном.

Князь и поддержал предложенную тональность, и одной фразой сумел указать на истинный расклад сил.

---

¹⁰ Фанаберия – спесь, надменность, неуместная гордость (устар.).

¹¹ Намек на одноименный роман О. Генри.

– Об этом тоже можно. К примеру, я распоряжусь, чтобы к ужину приготовили цветную капусту и голубцы. Заодно обсудим сравнительные достоинства этих продуктов...

Но шутки шутками, а ситуация все же требовала серьезного обсуждения.

– Ваш идеализм меня временами в подлинном смысле удивляет, – доверительным тоном сообщил Олег Константинович, – хотя на самом деле все должно быть наоборот. Идеализмом следует страдать мне, а вам – демонстрировать холодный прагматизм и понимание сути процессов, в которых приходится жить и принимать решения.

А может быть, так и должно быть. У меня есть время размышлять, сравнивать прошлое и настоящее, будучи свободным от необходимости немедленно реагировать на происходящее, тем более конкретно отвечать за последствия своих поступков перед избирателями и нацией. Вы спрашиваете (хотя сейчас Каверзнев как раз ни о чем не спрашивал) – зачем Западу затевать столь глупые и никчемные игры? Да потому, что его руководителям, таким же *профессиональным политикам*, как вы, просто ничего иного не остается.

На самом же деле политика – это не то, чем по необходимости принято заниматься, получив мандат народного доверия на очередные четыре года. Это – инструмент достижения высших, по отношению к партийным программам, целей, а также оптимальный способ ответить на вызовы времени и истории.

Вот, казалось бы, достигнуто идеальное устройство мира. Полтора миллиарда человек пользуются благополучием и всеми возможными преимуществами мира и цивилизации. Россия – равный член сообщества, вносящий свой вклад в общее дело и, казалось бы, никому не мешающий и ни на что особенное не претендующий. Так думаем мы с вами и огромное большинство обывателей Европы и Америки.

Но поставьте себя на место ваших недавних собеседников, руководителей сильнейших европейских держав. Они что, по-вашему, в глубине души согласны признать, будто их единственной ролью и задачей является должность этаких наемных муниципальных чиновников? Следить за сбором налогов, исполнением бюджета и время от времени выходить на выборы, чтобы убедить избирателей в своей способности делать то же самое следующие четыре или семь лет лучше своих оппонентов? Разумеется, нет. Они хотят участвовать в решении судеб мира, еще лучше – их предписывать и направлять. А кто им такое позволит в условиях семидесятилетней стабильности и унылой закоснелости международных договоров и парламентских процедур?

Тут мы им – единственный свет в окошке. Поскольку продолжаем считаться державой в достаточной степени варварской, хотя и союзной. Вспомните историю. Что, Россия в середине XIX века чем-нибудь угрожала Европе? Помогла избавиться от Наполеона, честно исполняла свои обязанности по Священному Союзу, держала в согласованных рамках Турцию, отнюдь не предпринимала на карте мира чего-то такого, чего другие не делали. Даже не лезла в африканские и американские дела, ограничиваясь приведением к покорности хищников Средней Азии.

Однако же...

Какова была, по-вашему, причина Крымской войны? Яростной истерики всего «Европейского концерта» по поводу подавления Венгерского и Польского восстаний (при том, что сделано это было по униженной просьбе Франца Иосифа Австрийского)? Берлинского конгресса, лишившего Россию плодов победы в Турецкой войне 1877 – 1878 годов? Явной и тайной поддержки Японии в спровоцированной, да вдобавок направленной против всей *белой цивилизации*, войне?

Причина одна-единственная – любой ценой, пусть в ущерб собственным долгосрочным политическим и экономическим интересам, не допустить естественного развития России, которое в определенный момент просто не оставило бы всем прочим «соконтинентникам», если можно так выразиться, шансов на реализацию хоть какой-нибудь «политики».

У меня, к слову сказать, на столе под стеклом всегда лежит табличка с цитатой из Пальмерстона: «Как тяжело жить на свете, когда с Россией никто не воюет!»

Совершенно то же самое пальмерстоны и всякие пуанкаре делали бы и в отношении САСШ, если бы имели к тому технические возможности. Но их просто нет по чисто географической причине, и наши европейские соседи сразу после войны Севера против Юга (в которой, кстати, Россия Александра Второго со всей определенностью не допустила вмешательства Англии на стороне Юга) дружно сделали вид, что все происходящее по ту сторону Атлантики их просто не касается.

– Но сегодня же не то время... – попытался возразить Каверзнев. Что удивительно – все приведенные князем факты он великолепно знал, только выстраивались и трактовались они им совершенно иным образом. Словно бы то, что было – предания давно забытых феодально-буржуазных противоречий эпохи последнего передела мира, борьба передовых европейских демократий против тупого и грубого самодержавного режима, может быть, даже добросовестные заблуждения лучших умов эпохи. Как, например, искренняя поддержка Марксом и Энгельсом англо-франко-турецкой агрессии против дикой России, вся вина которой была лишь в том, что она осмелилась защищать права христиан в Турции и начала осваивать собственное дальневосточное побережье. Но с тех-то пор прошла целая эпоха, и о какой генетической вражде может идти речь? Друзья демократии – по одну сторону, враги – по другую, а уж между своими – какие же счеты?

– Те самые, любезнейший Владимир Дмитриевич, те самые. Времена всегда одни и те же, только декорации иногда меняются в соответствии с изысками режиссера. Вот решим мы, с Божьей помощью, все текущие и насущные вопросы, глядишь, и появится у нас свободное время. Чтобы удалиться под сень струй, предоставив текущие дела преданным и ответственным администраторам, и перечитать многие страницы истории, без гнева и пристрастия. Тогда, возможно, обречем истинное понимание вещей незамутненным повседневностью взглядом.

– Наподобие древнего Китая мечтаете порядки установить? – в очередной раз съязвил Каверзнев.

– Чем же плохо? Прогресс, как я уже имел случай заявить, вещь сама по себе вреднейшая. Заставляющая людей бессмысленно суетиться, столь же бессмысленно расточать невосполнимые ресурсы, и ничего не прибавляющая к смыслу жизни. Чем, скажите, даже нам с вами, владыкам, без ложной скромности, шестой части света, сейчас живется лучше, чем, ну не в восемнадцатом, конечно, веке, а в первой трети двадцатого? Многократно пытался найти преимущества, но не вижу. Ни в едином пункте...

– Да вот хотя бы тем, что за сорок минут я на встречу к вам прилетел, а мог бы полсуток в вагоне трястись. И информацию о событиях в любой точке мира получаем через пять минут, а не через день или неделю.

– И много ли вам с того радости? В поезде ведь ехать – одно удовольствие. Откушали бы ужин за приятной беседой, в окно посмотрели, поспали в салон-вагоне на мягком диване и хрустящих простынях, да и добрались куда потребно.

Вот поезд – это действительно прогресс, по сравнению с телегой или каретой. Самолет – явление избыточное.

Да и в нашей, управленческой сфере? Сейчас получили по телефону или факсу сообщение, немедленно и отреагировать надо. А там прочитал шедшее две недели, а то и два месяца, письмо, пару суток подумал, посоветовался с кем надо, написал, поправил, перебелил, отправил, зная, что месяц туда – месяц сюда, почти никакой разницы. Снабженные общими инструкциями исполнители на местах приучены принимать оптимальные решения, исходя из обстановки. Правителю достаточно было умения подбирать людей и ставить общую задачу, исходя из государственных интересов. Проблема повседневного непосредственного руководства перед ним не стояла.

Нет, поверьте мне, Владимир Дмитриевич, те времена перед нашими многие преимущества имеют...

Беседа, хоть и светская, Каверзневу начинала надоедать. Скорее всего потому, что роли собеседников были неравны. Ну как представить настроения и ход мыслей короля Генриха IV, явившегося на покаяние и капитуляцию к папе Григорию VII в Каноссу. Весело было первому выслушивать самые благодушные излияния второго?

– Давайте подводить итоги, Ваше Императорское Высочество, – несколько раздраженно сказал премьер, – перед тем, как перейдем к капусте.

– Давайте, – охотно согласился князь. – Чтобы, по словам персонажа одной бульварной книжечки, не размазывать манную кашу по чистому столу, правильно будет, я думаю, в проект мысленного варианта меморандума, который наверняка сейчас составляете и вы, и я, записать нечто вроде нижеследующего: «Обсудив при личной встрече события, имеющие место быть в одной из территорий Государства Российского, оценив происходящую от них угрозу самому государственному устройству, приняв во внимание позицию союзников по Тихо-Атлантическому союзу, взвесив юридические и нравственные основания и последствия принимаемых решений, высокие договаривающиеся стороны предположили...

Князь помолчал пару секунд, ожидая, не добавит ли к его словам премьер что-нибудь существенное, не дождался и продолжил:

– ...предположили, что в сложившихся обстоятельствах премьер-министр и Верховный главнокомандующий Российской армией и флотом В.Д. Каверзнев, основываясь на таких-то и таких-то пунктах Конституции и соответствующих подзаконных актов, считает необходимым вверить непосредственное руководство армией и флотом ныне занимающему должность Местоблюстителя Российского престола гражданину Романову О.К. С передачей означенному гражданину всех вытекающих из данного назначения обязанностей, прав и дисциплинарных функций. Что подтверждается постановлением Правительства № такой-то от такого-то числа октября месяца сего, 2005 года. Прочие обязанности главы государства, а также и иные, вытекающие из условий Чрезвычайного положения, оставляю за собой. Дата, подпись. Имеете что-нибудь возразить?

Возразить особенно было нечего. Кроме того, что текст нуждается в профессиональной редакции. Так это и так подразумевалось.

– А как насчет остальных наших договоренностей? – будто между прочим, осведомился Каверзнев.

– А с остальным не вижу смысла спешить. Ну, давайте пока посадим особо доверенных людей, поручим им детально прописать сценарий полной передачи власти, разработать процедуру, подготовить проекты оформляющих все это указов, постановлений и рескриптов. На все про все отведем месяц. За это время, надеюсь, со смутой будет покончено, и на волне народного ликования все пролетит, как шайба по льду.

Тем более сейчас ваше положение остается куда более выигрышным. Всю грязную работу сделаю я и мои люди, а вы будете отговариваться от мирового сообщества тем, что в условиях фактической военной диктатуры (по образцу древнеримской, вплоть до восстановления законности и порядка) не имеете возможности вмешиваться в решение оперативных вопросов. Соответственно – ничего не решаете и ни за что не отвечаете.

Я же, в случае чего, за свои действия сам и отвечу. В основном – перед Богом и историей. Я – особа августейшая, мне на мнение всех этих адвокатишек, что местных, что иностранных – плюнуть и растереть...

Князь хотел сказать что-то еще в этом же духе, но его прервал мелодичный гудок внутриворцовой связи.

– Слушаю. Что ты говоришь? Вернулись? Ну, поздравляю. Умеешь, когда захочешь! – Князь, не скрывая удовольствия от полученного известия, благосклонно хохотнул. – Тогда, значит, все меняется. ...

Покосился на насторожившего слух Каверзнева.

«А что нам скрывать, – подумал Олег Константинович, только что хотевший было перейти для завершения разговора с Чекменевым в соседний кабинет. – Мы же с ним теперь союзники и соучастники».

– Пока не выслушаем подробнейший доклад, широкую рекогносцировку – отменить. Мало ли, как повернется. Да, это все. Ограничьтесь чисто поисковыми операциями. А с полковниками я встречусь лично. Да сегодня же. По обычной схеме. Я перезвоню.

Положил трубку, повернулся к премьеру:

– Ничего особенного. Вернулась из глубокого тыла группа разведчиков. Вот пока не разберемся с доставленными сведениями, оценим, обсудим, я решил поддержать оперативную паузу. В Варшаве боевые действия приостановить. На сутки, двое. Заодно и сил поднакопим, в намерениях неприятеля поглубже разберемся. Выясним, до какой последней черты готовы дойти наши *союзники* ... Что же касается ужина, к моему глубочайшему сожалению, придется перенести на более позднее время. Скажем, на ноль часов ноль-ноль минут.

Эта даже символично получается. Начнем с нуля!

Глава третья

В случае с поручиком Уваровым проявилась древняя, как мир (вернее, как война), дилемма. Как следует поступить с офицером, с блеском выполнившим поставленную задачу, но в ходе ее выполнения невольно нарушившим тайные планы командования и тем самым нанесшим значительный ущерб стратегического масштаба?

Сам-то Стрельников поначалу, выслушав рапорт поручика, признал его действия не только правильными, но и весьма успешными. На самом деле приказ не только выполнен, но и перевыполнен. Каналы исследованы в заданных пределах, в нужных местах заминированы, причем таким образом, что в случае необходимости заряды могут быть обезврежены дистанционно в любой требуемый момент, открывая проходы для наших бойцов. Прорыв в Бельведер повел к уничтожению высшего руководства мятежников, посеял панику и нанес противнику серьезный материальный, а главное – моральный урон, доказав ему, что для российских войск нет недостижимых мест и позиций. Вдобавок доставлены ценные разведывательные данные.

Все это тянуло на Георгия 4-й степени Уварову, «Владимиры», «Станиславы» и «Анны» остальным участникам рейда. С учетом представления поручика к Владимиру 4-й степени с мечами за предыдущие подвиги он завтра же мог рассчитывать на штабс-капитанский чин. Служба же получала обстрелянного, инициативного командира, достойного принять как минимум отряд.

Именно с таким настроением Стрельников доложил по телефону о последних событиях своему непосредственному, а также и единственному начальнику, генералу Чекменеву. При этом он еще и позволил себе повторить слова Уварова о том, что отмена рекогносцировки была крупной ошибкой. Подбрось в Бельведер по каналам пару батальонов, и ключ к городу был бы у нас в руках.

Велико же было удивление простодушного полковника, когда находящийся в тысяче километров от места событий генерал обматерил его прямым текстом. Не успел Стрельников вникнуть, чем вызвана такая реакция, как генерал ему разъяснил. Информирован-то он был о случившемся по своим, собственным многочисленным каналам практически мгновенно и в гораздо большем объеме, чем занятый практической работой полковник. Узнал, оценил последствия и *сорвался с нарезки*.

Связь была стопроцентно защищенной, и Чекменев не стал темнить и дипломатничать. Тем более что по должности Стрельников должен был знать суть происшедшего.

– На хрена мне такие инициативы? Какого ... ты послал их в Бельведер? Там сидели мои люди, ты это способен понять? Через них я контролировал все движение. Они делали то, что нужно прежде всего нам, а потом уже им! А теперь? Свято место пусто не бывает, и кто его теперь займет? Из-за твоего мудака-поручика мне, может, месяц, а то два придется новую сеть создавать! Поувольнять бы вас всех без мундира и пенсии! Я вам... устрою! Сегодня же вылетаю в Варшаву, будем разбираться по полной! Ох же я и ошибся, что тебя туда поставил! Лучше б вообще без командира, чем с таким...

Полковник Стрельников был служакой старым, в своем деле компетентным и знал себе цену. Нынешнее возвышение его хотя и порадовало, как любого военного человека, вплотную подошедшего к генеральскому чину, но собственное достоинство он имел и поступаться им даже ради «беспросветной жизни»¹² не собирался. Тем более что объем обязанностей по должности его начал тяготить почти сразу. Не его это занятие, оперативник он, а не военный чиновник.

---

¹² Жаргонное обозначение генеральства, т. к. генеральские погоны, в отличие от офицерских, не имеют просветов.

Выгонят – и пусть! Полковничьи погоны не отнимут, а это и была его единственная светлая мечта – уйти в отставку полковником, здоровым и с кое-какими средствами на дальнейшую спокойную жизнь на собственном хуторе где-нибудь на Юге.

Все это, слава богу, при нем уже сейчас. Так что стесняться и позволять говорить с ним в таком тоне он не собирался.

Вот и высказался. В том смысле, что ни о чем подобном не слышал, хотя ему первому должно было об этом быть сообщено. Сориентировать нужно было, раз уж послали в Варшаву. Если и не снабдить подробной информацией, паролями и явками (что, в принципе, было бы наиболее правильно), то хотя бы предупредить о пределах, переходить которые не следует. Он же поступал в полном соответствии с законами войны – наносить удар в самую уязвимую и чувствительную точку неприятеля. Потому себя считает совершенно правым, своих офицеров – тем более. В отставку готов подать незамедлительно, но терпеть выволочки, как сопливый кадет, не намерен. И в любом случае представление о награждении офицеров подавать будет, даже и на Высочайшее имя. С объяснением подоплеку дела или нет – это уж как господин генерал пожелает!

Демарш со стороны обычно сдержанного, флегматичного и погруженного в дела службы Стрельникова оказался для Чекменева неожиданным настолько, что он мгновенно сбавил тон. Просить извинения, конечно, не стал, закруглил тему так, что, мол, конечно, лучше бы предупредить, да вот обстановка не позволила, и вообще он не предполагал, что высокая агентурная игра, вельтполитик¹³, может внезапно пересечься с проблемами взводного масштаба.

На том и разошлись. В смысле – оставили эту тему и перешли к делам, вытекающим из сложившейся обстановки.

Повесив трубку, Чекменев тяжело задумался. О своем срыве он жалел. Не потому, что обидел ни в чем не повинного полковника (ни в чем не повинных, как известно, не бывает, даже жертва уличного бандита виновата в том, что позволила себя ограбить или убить), а в том, что *потерял лицо*, не смог сохранить нужного хладнокровия, продемонстрировал подчиненному, что его можно вывести из себя неприятной новостью.

А заодно и приоткрыл свои карты, показав, сколь сильно он был лично заинтересован в нормальном функционировании штаба повстанцев. Ну, теперь придется плавно выкручивать из колеи, в которую попал. Офицеров наградить, и Стрельникова тоже, и более к этому не возвращаться. Загрузить их работой так, чтобы они естественным образом забыли о данном эпизоде. И начинать выстраивать ситуацию с нуля, ориентируясь на заветы великого Черчилля: «Пессимист видит трудности при каждой возможности, оптимист в каждой трудности видит возможности», «Судьбу побеждает тот, кто сам на нее нападает», «Если вы хотите достичь цели, не старайтесь быть деликатным или умным. Пользуйтесь грубыми приемами. Бейте по цели сразу. Вернитесь и ударьте снова. Затем ударьте еще раз – сильнейшим ударом плеча...».

Тому это помогало на всем протяжении долгой, девяностолетней жизни. Значит, некий главный нерв сущего потомок герцогов Мальборо уловил. Не грех воспользоваться передовым опытом.

В том, что ситуацию в Варшаве удастся вновь взять под контроль, Чекменев не сомневался, вопрос лишь в том, сколько времени и сил это займет в новых обстоятельствах. Эх, знать бы заранее, что все кончится именно так, ни за что бы не согласился отложить войсковую операцию.

А ведь Фарид буквально за полусуток до своей бессмысленной гибели (будто предчувствовал), так его уговаривал не начинать боев в городе. Подробно доложил расклад сил внутри *движения*, все свои расчеты и хитрые, макиавеллевские многоходовки. Сулил гораздо боль-

---

¹³ Вельтполитик – мировая политика (нем.).

ший выигрыш от использования противоречий между членами повстанческого комитета и их зарубежными покровителями, чем от силовой акции, обязательно бы сопровождавшейся многочисленными жертвами. И убедил же!

Самое главное, теоретически Фарид был прав. И, возможно, остается прав даже сейчас. Без него, конечно, все будет не в пример сложнее. Теперь следует немного выждать – в какую сторону начнут развиваться события после гибели турка, Станислава, некоторых других лиц, находившихся на связи.

Творческая мысль генерала заработала автоматически. В этом и была его сильная сторона, кроме тщательных, кропотливых расчетов и проработок, он умел отдаваться интуиции, и она его обычно не подводила. В голове как бы сам собой стал складываться новый план, предусматривающий, между прочим, и использование молодого и хваткого поручика, нет, теперь уже штабс-капитана Уварова.

А тут ведь, буквально завтра, по расчетам Маштакова, может возвратиться из... из-за... одним словом, оттуда, Тарханов со своей компанией. Если выйдут – великолепный довод в пользу приостановки действий в Варшаве. Так, мол, и так, знал, что возвращаются, и до личной встречи с группой решил зря не класть солдатские головы...

Неприятности были полностью выброшены из головы, начиналась новая работа.

Глава четвертая

Радость от возвращения из затянувшегося на девять месяцев странствия по параллельно-загробному миру была значительно смазана неожиданным, но неприятным следствием неведомого физического закона, воспрещавшего, как оказалось, перемещение материальных предметов и ценностей «оттуда сюда». Из «мира живых» в «боковое время» – сколько угодно, а вот наоборот – отнюдь. И героини нашего повествования, за исключением не то чтобы проницательной, но приверженной к собственному стилю одежды Майи, вовремя переодевшейся в бережно сохраненный *посюсторонний* костюм, предстали перед высоким начальством, едва успев задрапироваться казенными портьерами.

Очевидно, таким образом природа (или нечто иное, призванное поддерживать мировое равновесие) устраняла самые вопиющие парадоксы, в данном случае – не допуская удвоения предметов в *нормальном* мире. Действительно, каким образом можно было бы объяснить, как один и тот же предмет может находиться одновременно в совершенно различных точках пространства? И тем более к каким нарушениям закона причинности и иных основ мироздания такое удвоение сущностей могло бы привести?

Само собой, что исчезновение одежды, оружия и множества прочих мелочей, приобретенных за время странствия, не только смутило наших героев, но и разом похоронило надежды использовать параллельный мир в качестве неисчерпаемого источника материальных ресурсов. Печальное, по большому счету, открытие. Требующее размышлений и соответствующих научных изысканий. Поскольку непонятным оставался не менее фундаментальный вопрос – «а почему же в ту сторону любые порождения живой и неживой природы проникают беспрепятственно?».

Ни Ляхов, ни кто-либо из его друзей, разумеется, в самый момент возвращения не имели ни времени, ни возможности задумываться над подобными вопросами, но вообще-то тема интересная. Можно, к примеру, предположить, что никакой странности на самом деле и нет. А все происходит в полном соответствии с элементарным здравым смыслом. Никого же не удивляет, что любые технические (о магических мы здесь не говорим) ухищрения не в состоянии превратить котлетный фарш обратно в корову и даже в обычный кусок говядины. Хотя прямой процесс доступен любой домохозяйке. Так и здесь. Переход материальных объектов из бытия в небытие (в «мир мертвых», в «боковое время»), то есть возрастание энтропии, если угодно – процесс естественный и необратимый. Что с воза упало, то пропало.

Однако и здесь кроется логическая неувязка, очередной парадокс. Сумела же Майя пронести свои вещи «на ту сторону» и благополучно возвратит обратно? Может быть, лишь оттого, что они-то не имели в нашем мире собственных двойников?

Одним словом, как любила повторять Скарлетт О'Хара, героиня знаменитого романа: «Я подумаю об этом завтра».

Потому что уже сегодня Великий князь, немедленно извещенный Чекменевым о возвращении группы Тарханова – Ляхова, повелел доставить их к нему для представления и личного доклада. И на все про все, включая полный комплекс необходимых гигиенических процедур, переобмундирование согласно дворцовому протоколу и этикету, а также подготовку хотя бы тезисов доклада, было отведено всего лишь пять часов.

Для мужчин тут проблем не было, военному человеку на все вышеуказанное хватило бы и часа, а вот женщины были поставлены в тупик. Слышанное ли дело, явиться ко двору сразу после многомесячного путешествия по диким и безлюдным местам, где нет ни парикмахерских, ни массажных салонов, ни маникюрно-педикюрных кабинетов! Ничего нет для поддержания в должной боеготовности женской красоты. Вернее, все это там есть, и даже в изобилии,

только пребывает в запустении, а главное – отсутствует подготовленный, знающий свое дело персонал.

На приведение себя в порядок после такого похода нужны как минимум сутки!

На робко высказанное Майей (Татьяна предпочла вообще промолчать) возражение Чекменев ответил, что все необходимое им будет предоставлено, о переносе же срока аудиенции не может быть и речи. По крайней мере, он с такой инициативой выступать не намерен.

Да еще Ляхов, по несносной привычке ляпать время от времени нечто, может быть и остроумное, но неуместное с точки зрения хорошего тона (как говорил Мао Цзедун: «Сказанное правильно, но не вовремя – неверно»), надерзил генералу Чекменеву, заявив, что нимало не удивлен разгорающейся в России новой гражданской войной. В том смысле, что ни к чему иному деятельность Игоря Викторовича и не могла привести. Вроде бы и в шутку было сказано, а прозвучало не совсем красиво.

Извиняло в некоторой мере Ляхова лишь то, что он, за девять месяцев, проведенных не только вдали от Родины и службы, а вообще неизвестно где, буквальным образом *десоциализировался*, то есть утратил присущее каждому военному человеку почти инстинктивное чувство субординации. Кроме того, он как-то подзабыл, что сейчас имеет дело не с прежним, почти равным по чину подполковником административной службы, а с всесильным начальником всех великокняжеских спецслужб.

Конечно, благополучно вернувшись, получив вдобавок незабываемые впечатления, обиды на Чекменева он не держал, но и совсем уже забывать о том, каким образом все было организовано, не собирался.

А тот в силу уже своего, начальственного инстинкта был обязан дать зарвавшемуся офицеру должный укорот. Чтобы не подрывать самые основы воинской службы. Каким образом эта процедура будет исполнена – не суть важно. В зависимости от вкусов, наклонностей и степени фантазии означенного начальства. Игорь Викторович сделал положенное в максимально деликатной форме. Хотя мог бы просто поставить по стойке «смирно» и обматерить.

Впрочем, не совсем понятно, чем бы закончилось дело в этом случае.

– Ни в малой степени не сомневаясь в вашей сообразительности, Вадим Петрович, хотел бы заметить, что как раз *наши* труды имели своей целью означенные прискорбные события предотвратить. Не вышло, вернее, вышло не совсем так, как предполагалось – вы уж не обессудьте. Надеюсь, вы в пределах собственных полномочий окажетесь более успешны. Я со своей стороны сделаю все для этого необходимое. Пока же – не смею более задерживать. Приводите себя в порядок и готовьтесь... – и радушным жестом указал на дверь.

Ляхову ничего не оставалось, как с максимально возможным в его положении и наряде достоинством проследовать к выходу. За ним – Тарханов и девушки, только Розенцвейг, легкомысленно сделав ручкой, остался в кабинете.

Уже на крыльце, едва выйдя за пределы досягаемости начальственного слуха, Тарханов выматерился, нисколько не стесняясь присутствием женщин.

– Тебя, господин полковник, за язык кто дергает? Отвязался на вольных хлебах? Так побыстрее входи в меридиан, как вы, штурмана, выражаетесь. Чекменев-то, он только до поры тихий и вежливый. А отвесить может так, что мало не покажется. Тем более в условиях военного времени...

– Да ладно, что я такого уж сказал? Не дурак, поймет все правильно. Я в рамках своего стиля, он – своего. Это тебе он прямой начальник, а я, как бы это выразиться, сочувствующий...

– И про это забудь. Игры, по всему судя, закончились. Война, сам слышал. Запрягут, взнуздают, куда ты, на хрен, денешься! А при тебе останутся приятные воспоминания о былой свободе и право строить рожи портрету начальника при запертой двери и задернутых шторах.

Слова Тарханова Вадиму не слишком понравились. Зато он понял – с Сергеем все в порядке, никаких сбоев в психике у друга нет и не было. Просто он куда быстрее самого Вадима вернулся к реальности жизни, которая есть здесь и сейчас.

Это там, *в сказке* (а и действительно, где они побывали, как не внутри вариации на тему русских народных сказок?), Тарханов, до конца не веря в реальность, а главное – осмысленность происходящего, как-то потерялся. Бывает, со всеми бывает.

Ляхов, к примеру, читал про очень сильного и славного многими достоинствами человека, который, случайно попав в тюрьму, превратился в совершенно раздавленного и жалкого человечка. Но немедленно, впрочем, восстановился, выйдя на свободу. И даже преуспел против прежнего, успешно применяя в жизни полученный опыт. Так, пожалуй, и тут.

И по той же аналогии ему, Вадиму Ляхову, уже никогда, возможно, не почувствовать себя настолько *на коне*, как там.

Очень стал понятен исполненный тоски и отчаяния вздох одного из его любимых литературных героев, поручика Карабанова: «Ах, как хорошо было в Баязете!» Это при том, что возвратившись, после трехмесячного сидения, без воды и пищи, в осажденной турками крепости, под постоянным огнем и риском ежеминутной смерти, к роскоши и реалиям великосветской жизни и гвардейской службы, человек сообразил, где он был более на месте и в согласии с собственной душой.

Ну, так, значит, так. Каждому, как известно, свое.

Отведенного до аудиенции у Великого князя времени едва хватило, чтобы в предоставленном Чекменевым коттедже Ляхов с Майей привели себя в приличествующее поводу состояние. Как и обещал генерал, там оказалось все, о чем мечталось во время долгого путешествия, особенно начиная с Днепра, когда они добирались до Москвы на последнем, что называется, издыхании.

Не столько в физическом, как в нравственном смысле. Физических сил как раз хватало, все ж таки жили они на свежем воздухе, работали много, но не до изнеможения, питались хоть и однообразно, но вполне достаточно для поддержания сил. Одним словом, почти нормальное путешествие по нормам XIX века, когда люди верхом и пешком пересекали неисследованные континенты, сражаясь с дикарями, хищниками и всякого рода антисоциальными элементами.

Возвращались (если возвращались), как и наши герои, закаленные духом и телом. Только одна разница – те путешественники по мере приближения к дому, и вообще к цивилизованным краям, испытывали радость и душевный подъем, а Ляхов со товарищи – наоборот. Чем ближе цель – тем сильнее нарастала тревога, кто-то ощущал нездоровое возбуждение, кто-то метался между надеждой и депрессией. И все это переживалось по преимуществу наедине с собой, на людях каждый пытался *сохранять лицо* и не усугублять обстановку нытьем и никчемными разговорами о том, чего нельзя ни угадать, ни изменить. И даже Татьяна, по поводу которой Вадим испытывал наибольшие опасения (несмотря на то, что все подозрения в ее адрес были вроде бы давным-давно сняты), вела себя вполне достойно.

Но вот все разрешилось наилучшим, казалось бы, образом. С точки зрения сегодняшнего утра. Ближайшие дни можно ни о чем серьезном не думать, наслаждаться благами вновь обретенной цивилизации. На чем Ляхов и старался сосредоточиться.

Отведенный им коттедж был значительно лучше того, в котором жил в этом военном поселении Тарханов. Очевидно, предназначался он для размещения гостей высокого ранга. Кроме трех обширных спален (обставленных военными интендантами с некоторой даже избыточной, и оттого на грани безвкусицы, роскошью), там имелся громадный холл с газовым камином, большая столовая и примыкающий к ней бар с классического вида стойкой и достаточным запасом напитков, бильярдная, а также обещанная сауна и даже бассейн с гидромассажем.

Первым делом Майя позвонила отцу, сообщила, что ее командировка благополучно закончилась, и она немедленно, как только освободится, приедет повидаться.

«Нет, не сегодня, сегодня предстоит прием на самом верху, ну, ты понимаешь, и времени совершенно нет. Даже к себе забежать некогда, поэтому, папа, позови к телефону Марию Карловну, мне нужно кое-что ей поручить, а тебя я люблю и целую».

Мария Карловна, дама слегка за сорок, вела хозяйство прокурора уже больше десяти лет и при этом отнюдь не состояла с ним в интимных отношениях, что поначалу, признаться (когда девушки начинают живо интересоваться подобными вопросами), Майю сильно удивляло. Потом разобралась.

Домоправительница, педантичная и крайне щепетильная в финансовых делах, полунемка-полуфинка, просто совершенно не интересовалась мужчинами, принадлежа к клубу феминисток самого крайнего толка. Что очень помогало ей с блеском исполнять свои служебные обязанности, не отвлекаясь на всякие глупости.

Одновременно она спокойно и с пониманием относилась к совершенно противоположным пристрастиям Майи, и отношения у них были самые доверительные. Поздоровавшись и обменявшись необходимыми после долгой разлуки словами, Майя принялась диктовать, какие именно предметы туалета нужно отобрать в ее гардеробе (исходя из того, что предстоит прием на самом высоком уровне) и не позднее чем через два часа переправить с шофером по такому-то адресу.

Говорила она коротко, четко, без обычных женских отступлений на посторонние темы: сказывалось детство, проведенное при отце-прокуроре, и пребывание остальные годы в мужской, преимущественно офицерской среде.

– Ну, вот и все, – сообщила Майя, опуская трубку на рычаг. – Мои проблемы на ближайшее время решены, маникюршу и парикмахершу адъютант Чекуленева обещал прислать к пятнадцати. Думаю, за час они управятся, – она с сомнением посмотрела на свои коротко стриженные, давно не видевшие лака ногти, и кисти с огрубевшей, обветренной кожей. – Те еще ручки, как раз для нежной и хрупкой девушки...

– Зато мышцы – что надо! А пресс! Ни капли жира! – Вадим чересчур фамильярно похлопал ее по действительно подтянутому и крепкому животу. – Любой светской даме можешь предложить в армреслинг сразиться, под заклад имения.

– Разве что. А теперь – приступим к водным процедурам.

Последнюю неделю им и помыться толком негде было, так уж сложились маршрут и обстановка. И уединиться тоже.

С давно забытой непринужденностью девушка раздевалась в пахнущем нагретым деревом и восточными курительными палочками предбаннике уже раскалившейся до предельной температуры сауны. Несколько раз крутнулась перед зеркалом, целиком занимавшим одну из стен.

– Да... Загарчик чисто офицерский...

На самом деле ровный летний загар давно сошел с ее стройного тела, и лишь руки до локтей, лицо и шея выглядели так, будто она только что возвратилась с одесских или ялтинских пляжей.

– Правильно я велела привезти мне английский костюм, в открытом платье это выглядело бы достаточно смешно...

– Если только тональным кремом по пояс не выкраситься, – Вадим сделал попытку поймать подругу за талию. Давненько ему не приходилось видеть ее полностью обнаженной, в ситуации, когда нечего опасаться посторонних глаз и ушей. Тесные каютки катера, в которых и одному только-только повернуться, и нулевая звукоизоляция переборки как-то мало располагали к радостям любви. Разве так, наскоро, уловив подходящий момент. Летом еще можно

было уединиться в прибрежном лесочке, да и то, не раздеваясь, но с середины августа начиная с низовьев Днепра пошли обложные дожди, так что и этот вариант пришлось исключить.

– Не спеши, не спеши, капитан, – ловко вывернулась Майя. – Давай хоть ополоснемся сначала.

Но едва она вытерлась банной простыней и потянулась к одному из висевших на вешалке пушистых халатов, Вадим не стал больше медлить. Подниматься на второй этаж, ждать, пока она раскроет обширную *королевскую* постель – увольте.

Вполне достаточно белого коврового покрытия пола и того же халата.

Майя принадлежала к тому типу женщин, у которых секс стимулирует и повышает жизненную активность и все прочие функции. Ляхов слышал, что некоторые известные театральные актрисы непосредственно перед выходом на сцену обязательно нуждаются в подобной встряске, и уже неважно – с кем именно.

Вот Майя, наверное, решила таким же образом подготовиться к встрече с Великим князем.

Оставшегося времени едва хватило на то, чтобы две мастерицы и три подмастерья из знаменитого московского салона красоты, работая одновременно, с быстротой и сноровкой горноспасателей, успели привести очень озабоченную своей внешностью красавицу в удовлетворивший ее вид.

Самому Ляхову ничего подобного не требовалось.

Ну, постригли его в соответствии с требованиями устава, побрили и подровняли усы, мундир даже подгонять не пришлось, фигуру он имел вполне соответствующую стандартным армейским росторазмерам. По ручной работы шуваловским сапогам сам прошелся щеткой с гуталином, чтобы убрать признаки неношенности, несколько раз отжал голенища сверху до самых щиколоток – с той же целью, и – готов полковник!

Аналогично и Тарханов.

Ожидая, пока закончат сборы их дамы, они успели выпить коньячку по единой, чтобы соответствовать, покурили, наскоро выработали единую линию поведения.

– Как там разговор пойдет, не угадаешь, – рассуждал Тарханов. – Но ежели придется, давай так – я докладываю общую канву событий, только факты. А ты уже подробности, версии, соображения по поводу случившегося, оценку возможных перспектив... Годится?

– Почему же нет? Если спросят – изложу. В том же примерно духе, что уже успел сообщить Игорю. Потусторонний мир вполне можно использовать для переброски войск и техники на фронт, во фланги и тыл противника, при условии, разумеется, что впредь аппаратура переходов будет работать четко и без всяких неожиданностей. А мы, в свою очередь, готовы исполнить свой долг любым образом, как будет угодно повелеть Его Императорскому Высочеству.

– Так-то оно так, только ты уж удерживайся от ерничества. Уровень другой.

– Ага. Поучи батьку... Я, между прочим, уже удостоивался Высочайшей аудиенции, и, как видишь, нормально обошлось. А сейчас я так, разминаюсь. Чтобы язык не присох...

– У тебя присохнет! Ну, похоже, пора. Вон наше превосходительство поспешает...

Действительно, по дорожке со стороны штаба быстро шел Чекменев, тоже облаченный в мундир «для малого приема», а на площадку неподалеку выехали два солидных лимузина, похоже, из княжеского гаража: своих подобных машин в штабе спецопераций не имелось.

– Готовы?

– Безусловно, ваше превосходительство, – вскочил со скамейки Ляхов, бросил руки вдоль кантов брюк, поскольку был без фуражки, с великолепным гвардейским шиком щелкнул каблуками и звякнул шпорами. Знай, мол, наших. Ежели служба, так служба.

Чекменев поморщился.

– Зря ты так, Вадим Петрович. Я же с тобой ссориться не собираюсь. Зная твой характер. Но и ты соблюдай... Мало мы с тобой водки выпили в неслужебной обстановке? А при посторонних чего в бутылку лезть? Садись давай, обсудим кое-что.

Ничего не оставалось, как признать правоту старшего товарища. Как и недавние слова Тарханова на ту же тему.

– Ну, извини, Игорь Викторович. Это я правда, подразболтался там за последнее время. Свобода, как писал классик, разлагает. Абсолютная свобода разлагает абсолютно.

– Вообще-то классик насчет власти писал, но и с твоим вариантом не поспоришь. Я вас хочу в курс дела ввести, чтобы дураками себя на приеме у князя не чувствовали. Там у него, кроме вас, грешных, будет еще человек десять из бывшего клуба «Пересвет»...

– Как это бывшего? Распустили, что ли? – опять не сдержался Ляхов.

– Не распустили, а в рамках текущей мобилизации перевели на иной правовой уровень – создали на его базе Отдельное военно-аналитическое управление Собственной Его Императорского Высочества Ставки. Во главе с генерал-лейтенантом Агеевым. Там в штатах и для тебя, Вадим Петрович, местечко найдется. А тебе, Сергей Васильевич, придется на прежнее место возвращаться. Я, с присущей мне благоразумностью, назначил Стрельникова всего лишь «исполняющим обязанности» начальника управления, так что теперь снимать с должности не придется. Вернем *по принадлежности* или сделаем твоим замом, если захочет. Он-то и не тянул по полной, честно сказать. Но сейчас суть не в этом.

Князь пригласил на прием наиболее доверенных людей, большинство из которых вам известно. Цель встречи – в приватной обстановке обсудить ход и возможные варианты польской кампании, с учетом грядущей передачи всей полноты власти в стране Олегу Константиновичу...

На эти слова Тарханов только кивнул головой, а Ляхов слегка присвистнул. В принципе, такая возможность обсуждалась, но лишь в виде далекой перспективы, а тут – пожалуйста. Быстро времечко бежит, особенно если его в шею подталкивать.

– Ваше присутствие, в принципе, предполагалось, потому что мы с Маштаковым были почти уверены, что именно сегодня вы выйдете, однако князю я до того, как это случилось, не докладывал. Решил сюрприз сделать. Отсюда – установка. Примите и запомните. Ситуацией мы владеем в полной мере, поскольку и мои расчеты здесь, и ваши – с той стороны совпали до секунды. Следовательно, на использование временных пробоев мы можем рассчитывать стратегически...

– А на самом деле – это так? – подал голос Тарханов.

– А из чего вы исходили, прибыв на точку именно в сей день и час? – ответил вопросом на вопрос Чекменев.

– Да в основном на бога все делалось, – не стал кривить душой Тарханов. – Других оснований не было. Либо так, либо никак.

– Вот и мы здесь предположили, что иного решения вам просто не придумать. И не ошиблись, к нашему общему счастью. Детали проработаете с Максимом Бубновым, он теперь тоже большой человек, и весь этот проект курирует.

Ляхов в очередной раз удивился, но виду подавать не стал. Все течет в соответствии со своей внутренней логикой.

– Но я по-прежнему не об этом. Доложите князю, что видели. Из твоих слов, Вадим, я сделал вывод, что успели вы многое. Включая каких-то местных жителей. Впрочем, каких именно, я догадываюсь. Поскольку по долгу службы на той стороне побывал. Впечатления, скажу я вам... Однако, раз вы выжили и вернулись, и с ними иметь дело можно, так? Будете князю рассказывать – я с интересом послушаю.

Потом, как я догадываюсь, на ту же тему может состояться разговор уже конкретный и по делу. С расчетами и картами. Хочу, чтобы вы знали, князь – человек увлекающийся, он,

как только услышал, что вы вернулись, и успешно, тут же приказал все операции в Польше приостановить, чтобы в случае чего вашим опытом воспользоваться...

Ляхов опять присвистнул. Действительно, быстренько Олег Константинович решения принимает! А, может быть, так и нужно в его положении?

– Зато генерал Агеев и его команда, – продолжал Чекменев, не обратив внимания на реакцию Вадима, – те совсем наоборот. Потому старайтесь соблюсти баланс. Докладывайте только правду, но, естественно, не всю. Изобразите так, будто вы оказались там отнюдь не вследствие теоретической ошибки, а в соответствии с четко разработанным планом, и все ваши действия имели конкретную цель. Какую – объяснять не надо, я сам скажу все, что потребуется.

Если у присутствующих возникнут вопросы, отвечать только с моего согласия. Я сам буду этот процесс регулировать. К князю, разумеется, сие не относится. Ему отвечать полно и точно. Чем вас князь решит наградить – не знаю, но думаю, что не обидит. Девушки ваши как – сумеют соответствовать обстановке? Дополнительный инструктаж не требуется?

– Другие дамы там будут? – поинтересовался Ляхов.

– Скорее всего, нет. Ваши спутницы приглашены ведь не в женском качестве, а как полноценные участницы беспримерного рейда... Очевидно, соответственно будут и отмечены.

– Тогда инструктаж не требуется.

– Тогда я спокоен, – провел пальцами по усам Чекменев. – Но поторопите их, времени в обрез.

Пока ехали в Берендеевку, Ляхов, основываясь на личном опыте общения с князем и полученных в Академии основах дипломатического и придворного протокола, объяснил друзьям некоторые тонкости предстоящей процедуры. Обрисовал некоторые черты характеров людей, с которыми предстоит встретиться, и в полном противоречии с собственным недавним поведением, посоветовал в любом случае сначала незаметно глубоко вдохнуть, посчитать про себя хотя бы до пяти и лишь после этого отвечать.

Резиденция встретила их шумом вековых сосен, гвардейским караулом у ворот, моросящим дождем.

Сам Великий князь стоял в окружении свиты офицеров и генералов у балюстрады просторной веранды.

Громадное, по меркам деревянной архитектуры, трехэтажное здание, сложенное из кондовых¹⁴ бревен, да еще в окружении такого же, но живого, дремучего, словно с картин Васнецова и Шишкина, леса, сразу производило незабываемое впечатление. Особенно на гостей, попавших сюда впервые.

Мало что резиденция была красива сама по себе, резными столбами, поддерживавшими свесы крытой осиновым лемехом¹⁵ крыши, украшенными деревянным кружевом XVI – XVII веков окнами, дверями, фронтонами. Было в ней что-то еще, неуловимое, но сразу наводящее на мысль о преемственности державной власти и ее неизбывной русскости.

Правда, подумал Ляхов, еще куда убедительнее было бы, если б князь (по примеру Александра Третьего) велел в своей вотчине носить исключительно одежду в стиле времен Алексея Михайловича (Тишайшего). Пусть не реплику, пусть *по мотивам*, но все же... Впрочем, возможно, все это еще впереди.

Увидев идущих от ворот гостей под предводительством Чекменева, князь сделал максимум того, что предполагалось дворцовым этикетом.

---

¹⁴ Конда – крепкая, боровая (не болотная) сосна, здоровая, мелкослойная, смолистая, с красноватой древесиной.

¹⁵ Лемех – тонкая деревянная пластина, использующаяся вместо шифера, черепицы для крыш (старорусск.).

Шаг навстречу, легкое движение руки в направлении козырька фуражки в ответ на приветствие вытянувшихся во фрунт офицеров, и галантный поцелуй, почти касание к ручкам Майи и Татьяны.

Для дочери столичного прокурора это было если и не привычно, но хотя бы в рамках знакомой парадигмы¹⁶, Татьяна же, девушка из глубокой южной провинции, где сильны традиции почтения к верховной власти, прикосновение великокняжеских губ к запястью восприняла как нечто невероятное, чуть ли не ярчайшее событие своей жизни.

Так вот и появляются очередные пылкие обожательницы сюзерена, которых более уже нельзя переубедить никакими рациональными доводами.

Князь наметанным глазом и присущей ему интуицией мгновенно уловил эмоциональную реакцию не по-здешнему красивой дамы.

– Рад познакомиться. Олег Константинович, о чем вы, безусловно, знаете, а вы?

– Татьяна Юрьевна... Тарханова, – ответила она и невольно густо покраснела, хотя этого почти и не видно было в начинающихся сумерках и через плотный загар.

Назвав себя так, она сделала сильный ход. Если сейчас это пройдет, Сергею отступать некуда. И в то же время, поскольку по всем официальным документам он числился полковником Неверовым, ничего предосудительного она вроде и не сделала. Просто застолбила за собой именно такое имя.

– Казачка? – проявил информированность в этнографических вопросах князь.

– Да, Ваше Высочество. Кубанская...

Эта женщина вдруг пробудила в душе князя известного рода интерес. Ее статная, стройная и в то же время чем-то неуловимо отличающаяся от привычного канона фигура, рисунок губ, большие серо-зеленые глаза, одновременно наивные и опытные, внезапно очаровали его. Отчего бы не сделать красавицу очередной фавориткой? Интересно, согласится она или нет?

Обычно светские дамы, в том числе и замужние, одномоментную или более-менее продолжительную связь с Олегом Константиновичем за грех не считали. Как и их мужья, если им вдруг становилось об этом известно.

А как будет с этой выросшей вдали от столиц и вряд ли знакомой с нравами и обычаями высшего света? Любопытно, и, пожалуй, придется это проверить.

Идея настолько заняла князя, что на минуту он даже забыл о своих непосредственных обязанностях. Но, похоже, внимание на это обратила только сама Татьяна.

После обмена рукопожатиями с князем навстречу Ляхову и Сергею пошли *пересветовцы*. Хлопали по плечам, приобнимали, стискивали руку, поздравляли с возвращением и успехом. Кто что имел в виду в каждом конкретном случае, Вадим предпочел не уточнять. Поскольку никто из присутствующих, кроме князя, Чекуленева и Бубнова, понятия не имел, куда исчезал Ляхов, какое задание выполнял и чем оно завершилось.

Большинство сходилось во мнении, что работали Ляхов с Тархановым где-то на польском направлении. И раз их торжественно принимают в Берендеевке, значит, миссия была успешной. А если для встречи собран весь цвет клуба – в чем-то и поучительной. Так что авансом поздравить товарищей – ошибкой не будет.

И красавицам-дамам представлялись, каждый находил несколько галантных слов, лихо-радочно при этом соображая, какова их роль в сегодняшнем приеме, если все остальные прибыли сюда без жен? Тем более те из офицеров, кто знал, чьей дочерью является Майя Бельская, в прошлом светская львица.

Самую бурную радость при встрече выказал Максим Бубнов. Он тут же вознамерился увлечь Вадима в уединенный уголок, чтобы немедленно ввести его в курс дела относительно собственных успехов по использованию верископа. Ляхов от него еле отбил, уговорившись

¹⁶ Парадигма – исходная концептуальная схема чего-либо.

встретиться немедленно после приема. Рассуждать на конкретные темы он сейчас был не расположен, гораздо больше его интересовала общеполитическая канва происходящего в стране и мире.

Это же только представить – уже больше полугода он не держал в руках свежих газет (хотя здесь прошло всего полтора месяца)! Этот парадокс тоже с трудом воспринимался сознанием.

По приглашению флигель-адъютанта гости вначале направились в буфетную, где по традиции подкрепились холодными закусками и несколькими рюмочками водки с личных княжеских винокурен.

В ходе реализации программы «возвращения к истокам» князь возродил традицию «пить по алфавиту», то есть начинать, скажем, с анисовой, затем барбарисовая (или «Бурбон»), «Выборовая» (или виноградная, она же чача) и так далее, вплоть до ячменной, яблочной (сиречь – «Кальвадос») и ягодной (в ассортименте). Вся эта продукция изготавливалась в ограниченных количествах исключительно для дворцового стола и отличалась высочайшим качеством.

И уже потом офицеры, не охмелевшие, но приятно взбодрившиеся, проследовали в зал для совещаний, где был приготовлен электронный видеопланшет во всю стену, с цветным рельефным изображением Европы и Малой Азии.

С первых же слов Тарханова, объявившего, что по приказу командования возглавляемая им группа произвела глубокий поиск в зону параллельного или же *бокового расширенного* времени, по залу прошло короткое шевеление. Опытные, хорошо дисциплинированные офицеры, разумеется, не позволили себе ни удивленных возгласов, ни каких-либо иных проявлений эмоций, но каждый как-то отреагировал на подсознательном уровне. Кто-то чуть подался вперед, громче, чем обычно, вздохнул, нервно листнул блокнот, кто-то обернулся, обвел глазами соседей: не ослышался ли, правильно ли понял смысл произнесенных незнакомым полковником слов.

Лишь безмятежные выражения лиц Ляхова и Чекменева, восседавших во главе стола, по обе стороны от князя, подтверждали, что это не мистификация, не глупая шутка. Значит, остается принять странно прозвучавшие слова как очередную данность и слушать дальше.

Офицеры «Пересвета» принадлежали к интеллектуальной элите Гвардии, были людьми начитанными не только в специальных военных трудах. И внутренне были подготовлены к тому, что в этой жизни может случиться всякое, в том числе научные открытия, вчера еще казавшиеся абсолютной фантастикой.

А Тарханов, взяв указку, прежним ровным голосом, как на подведении итогов командно-штабных учений, изображал на планшете пройденный маршрут, сообщал о военно-техническом состоянии изученных по пути объектов. Не обошел и фактор «покойников», опять же дав оценку этому феномену исключительно с позиций тактика, совершенно не вдаваясь в область биологии и психологии.

– Таким образом, – завершил он свое сообщение, – исследованные нами территории вполне соответствуют здешним в их топографическом описании, пригодны для расквартирования и передвижения любых войсковых соединений и объединений, причем снабжение может полностью осуществляться за счет местных ресурсов.

Что наиболее ценно и важно – все перемещения можно осуществлять на территориях, в реальности занятых противником. Хотя требуются еще дополнительные полевые испытания...

Сразу же оказалось много желающих задать Тарханову уточняющие вопросы, однако Чекменев предложил сначала выслушать доклад хорошо всем знакомого полковника Ляхова, отвечавшего в экспедиции за ее научную составляющую.

И Вадим дал себе волю. Соскучившись по слушателям, тем более столь благодарным, жадно ловящим каждое его слово, делающим пометки в блокнотах, он мог бы растянуть

выступление на несколько часов, благо живописных подробностей у него в запасе хватало. Однако благоразумно постарался уложиться в академические сорок пять минут.

Основное внимание он сосредоточил на популярном изложении физического смысла «бокового времени», а также на многочисленных парадоксах, с которыми пришлось столкнуться во время рейда. С одной стороны, потому, что именно они составляли для Ляхова главный смысл путешествия, без них оно ничем особенно не отличалось от любого другого, а с другой – он как бы приглашал слушателей к своеобразному «мозговому штурму».

Очень перспективной, в частности, представлялась возможность через «боковое время» проникать в миры с совершенно иным политическим устройством и технической культурой. Даже если невозможно доставить из того мира в этот хоть один натурный образец, никто ведь не помешает направить туда любое количество опытных инженеров, которые смогут разобрать таинственные приборы и устройства по винтику, произвести необходимые измерения и анализы, сделать чертежи, фотографии и так далее.

Внедрение плодов чужой технической мысли в здешнюю жизнь сулит России грандиозный технологический отрыв от союзников-соперников. И это будет куда важнее, чем чисто военные успехи, которые, впрочем, тоже несомненно последуют.

– Разумеется, господа, нет нужды предупреждать, что все, услышанное вами здесь, является абсолютно секретным, и не может обсуждаться даже среди своих за пределами специально отведенных для этого помещений, – предупредил Чекменев после того, как Ляхов закончил сообщение. – Сделанные в личных блокнотах записи прошу уничтожить в моем присутствии.

Князь все время доклада просидел молча, хотя вряд ли ему так уж все сразу было ясно. Скорее, он просто не хотел обозначить перед собственными аналитиками направления своего интереса. Вполне в его стиле: сначала оценит, обмозгует ситуацию, а уже потом будет ставить вопросы и задачи, причем каждому участнику проекта – отдельно.

Сейчас Олег Константинович обдумывал услышанное с одной точки зрения – каким образом все это может повлиять на его отношения с Каверзневым? Потому что остальное – вторично. Возьмет он полноту власти, тогда и можно будет реализовывать проекты. И те, на которые намекнул полковник Ляхов, и другие, которые сейчас и в голову не приходят, но обязательно появятся по мере углубления в проблему. А вот дело с Каверзневым – это принципиально и неотложно.

Даже о реакции мирового сообщества на события в Польше можно пока не думать. Все равно, любым способом, но все образуется, иначе в политике просто не бывает. Раз воевать друг с другом всерьез великие державы не собираются, значит, соглашение непременно будет достигнуто. Неважно даже, на каких условиях. Князь настолько ясно видел преимущества своего нынешнего положения, что в случае необходимости был готов на самые значительные уступки (без потери лица, разумеется). В любом случае в конце концов он все отыграет сто-кратно.

А Чекменев в это время разрешил наконец присутствующим задавать вопросы. Ему и самому было многое интересно. Он специально не стал требовать от Ляхова с Тархановым предварительного личного доклада, ему казалось более правильным, чтобы рассказ прозвучал именно так, в присутствии референтной¹⁷ для офицеров группы. И слова будут точнее подбирать, и постараются оттенить наиболее яркие моменты. Да и вопросы, заданные десятком опытных и сведущих в самых различных сферах наук слушателей могут затронуть такие моменты, до которых он бы с ходу не додумался. А подробный отчет в письменной форме представят все четверо, никуда не денутся, и писать будут поодиночке.

Первым поднял руку барон фон Ферзен:

---

¹⁷ Референтная группа – круг людей, с чьим мнением считаются, отношении которых дорожат. В научном и этическом плане.

– Скажите, пожалуйста, а какая необходимость была привлекать к эксперименту этих очаровательных дам? Чем хуже был бы любой из здесь присутствующих или просто два-три боевых офицера с соответствующими навыками?

Ляхов слегка растерялся. К подобному он был не готов совершенно. Но каков барон! Действительно, ведь грамотному аналитику состав группы не мог не показаться странным. Зато Чекменев оказался на месте.

– Я отвечу. Видите ли, Федор Федорович, в силу определенных факторов, которые сейчас просто не время раскрывать, нам было необходимо выяснить, является ли способность перемещаться через временной барьер, так сказать, эксклюзивной, присущей лишь господам Тарханову и Ляхову, которые раньше уже участвовали в подобном эксперименте, или же это общедоступно. Поэтому участники эксперимента отбирались по целому ряду параметров, говорить о которых сейчас неуместно. Добавлю, что «на ту сторону» ходили и еще несколько человек, называть имена которых тоже нет сейчас необходимости. Вы удовлетворены?

– Так точно, господин генерал! – Барон сел, но взгляд, брошенный им скорее всего непроизвольно, в сторону Бубнова, показал Чекменеву, что утечка информации все же произошла. Ладно, будем разбираться и с этим.

Другие вопросы были куда более практическими: влияют ли переходы из одного времени в другое на психику; сравнимо ли качество тамошнего оружия и нашего; действительно ли «покойники» договороспособны и на них «в случае чего» можно рассчитывать, как на союзников; можно ли наладить их продовольственное снабжение путем переправки на ту сторону живого скота или, на крайний случай, преступников, осужденных на смертную казнь?

Раз уж договорились действовать методом «мозгового штурма», даже и такой, в принципе, антигуманный вопрос не встретил этического осуждения, а лишь чисто практическое возражение, что «если даже и так, то преступников данной категории вряд ли хватит, разве только для удовлетворения потребностей самой верхушки того общества, которое предполагается создать и считать своим союзником». На что последовал столь же резонный контрвопрос: а что, в принципе, может произойти с «покойниками», получившими доступ к питанию живым «человеческим материалом»? Мысль, кстати, достаточно интересная и плодотворная. Ведь Тарханов с Ляховым ни разу не видели «покойника», которому удалось бы добраться до живого человека. Если только предположить, что кто-то из соратников чеченского сержанта попался им в лапы. Неужели они могли вернуться в наш мир, превратившись, скажем, в аналог легендарных вампиров и вурдалаков? А почему бы, кстати, и нет?

В общем, дискуссия начала забираться в такие дебри, что князь ее прекратил волевым решением:

– Достаточно, господа. Я думаю, мы должны поблагодарить наших товарищей за совершенный ими подвиг и столь заинтересовавшие нас всех сообщения и перейти в обеденный зал, где вы сможете продолжить обсуждение в приватной обстановке. Дальнейшую же разработку темы мы продолжим завтра. В соответствии с научными интересами и должностными обязанностями каждого из присутствующих.

А сейчас позвольте огласить Высочайший Рескрипт.

Князь вдруг подобрался, лицо его приобрело подобающую должности величественность.

– Данной мне властью Местоблюстителя Российского Императорского Престола и Великого князя полковники Тарханов и Ляхов награждаются орденами Святого Георгия третьей степени, со всеми вытекающими отсюда правами и преимуществами. Кроме того, полковник Тарханов возводится в потомственное дворянство Российской империи.

(Ляхов по отцу и так уже был потомственным дворянином, как и Майя. Следует отметить, что ранее вполне номинальная принадлежность к дворянству в перспективе восстановления самодержавия и принципа сословной демократии в полном объеме сулила немалые блага и льготы.)

А князь продолжал оглашать свой Рескрипт, словно держал перед глазами написанный витиеватым, но каллиграфически разборчивым писарским почерком текст. На самом же деле Олег Константинович импровизировал, только после доклада и личного знакомства с героями определив степень заслуг каждого и меру воздаяния.

– Оба названных полковника причисляются к Свите Нашего Императорского Высочества в качестве флигель-адъютантов. В потомственное дворянское достоинство возводится также Тарханова (в девичестве Любченко) Татьяна Юрьевна, со всеми своими прямыми восходящими и нисходящими родственниками. (То есть дворянами вдруг становились и ее родители, братья и сестры, если таковые имелись, а также и дети, законные и внебрачные.) Тарханова Татьяна Юрьевна и Бельская Майя Васильевна награждаются орденами Святого Георгия четвертой степени с возведением их в титул Кавалерственных дам, а также причислением к Свите.

Олег Константинович словно бы мысленно захлопнул сафьяновую папку с Рескриптом и перешел на обычный тон:

– На этом пока все, господа. Прочие причастные к делу лица будут награждены в общепринятом порядке. Проходите в зал и ни в чем себе не отказывайте.

Это тоже был стиль Великого князя. В какой-то момент его величие исчезало так же непринужденно, как в нужное время опять возникало, и он превращался в совершенно ординарного участника общего застолья. Те, кто служил в одном с ним полку (хотя бы сроки службы разделялись десятилетиями), могли традиционно обращаться на «ты», прочие – по имени-отчеству.

На длинный общий стол была выставлена старинная серебряная посуда (поскольку Ставка считалась «на походе»), места гостей обозначены табличками, вместо алфавитных водок подавались исключительно тонкие вина из крымских погребов.

Глава пятая

Позади главного берендеевского терема среди соснового леса пряталось длинное двухэтажное здание, растянувшееся почти на полсотни метров, своим внешним видом напоминающее блокаузы североамериканских и канадских поселенцев. Рубленое из ровных восьмиметровых бревен, с высокой, двускатной, рассчитанной на обильные снегопады крышей. На цоколе грубо отесанного дикого камня, окруженное на уровне второго этажа сплошной крытой галереей, или, как это называлось раньше, гульбищем. Лестница в шесть широких ступеней вела к дверям, более приличествующим амбару или лабазу, будто бы изготовленным совместными трудами деревенского кузнеца и плотника из потемневших от времени брусьев, схваченных полосами бурого железа и подвешенных на грубо кованых петлях.

Вошедший в дом сразу попадал в громадный холл, а по-русски – переднюю, или же сени, метров сто площадью и высотой до самой крыши, без всякого потолка, только переплеты стропил над головой. И четыре поддерживающих столба посредине.

Прямо перед входом, у противоположной стены – камин в рост человека, до самого верха сложенный из мореных валунов – остатков древних ледников. Время уже было осеннее, прохладное, и в нем неторопливо горели несколько березовых корневищ. Приподнятый подиум перед камином вымощен плоским белым плитняком, по краям – дубовые, струганные скобелем лавки. На них приятно посидеть у огня, погреть руки с уличного холода, покурить, не спеша побеседовать на нейтральные темы с приятелем или случайным знакомцем.

Короткий коридор слева вел в комнаты обслуживающего персонала, длинный правый – в зал охотничьих принадлежностей и трофеев, а за ним постепенно повышающимся пандусом в трактир «Не торопись, дорогой!».

Название придумано не случайно. Дело в том, что трактир располагался перед комнатами и апартаментами второго этажа, и миновать его было никак нельзя. Вот представьте, вы вернулись летом с пешей прогулки или сбора грибов, зимой – с прогулки лыжной, подледной рыбалки или охоты. Пару глухарей завалили, а то и кабанчика, мечтаете о рюмке водки, а главное – неудержимо хочется рассказать кому-то о своих успехах и подвигах. Поделиться эмоциями, так сказать, особенно если день провели в одиночестве.

И тут вдруг попадаете в прекрасное место. На дубовых лавках, отполированных штанами многих и многих предшественников, за тяжелыми столами сидят прекрасные люди, вернувшиеся раньше или вообще никуда не ходившее, готовые принять вас в свою компанию.

Радужный целовальник¹⁸ в красной рубахе и плисовых штанах, заправленных в сапоги на мягкой, бесшумной подошве, нальет вам бочкового пива в литровые кружки, или чего покрепче (все – за счет князя, он на своих гостях зарабатывать не собирается). На темных стенах развешаны олени и лосиные рога, кабаны, волчи, медвежьи головы и шкуры, чучела гигантских щук и иных промысловых рыб из окрестных водоемов, а также избранные портреты четырех поколений почетных гостей, гулявших здесь раньше и так же радовавшихся жизни, а теперь ушедших туда, где нет ни горя, ни вздыханий. В «Страну удачной охоты», как выражаются некоторые. Так что же, и вам спешить туда же? Потому так трактир и назван.

После официального ужина Олег Константинович отбыл в Москву для занятия неотложными государственными делами, все же прочие просто обязаны были заночевать здесь и уже более не думать о службе, чинах, должностях и вообще обо всем прочем, оставшемся за заборами Берендеевки.

---

¹⁸ Целовальник – российский вариант бармена, приказчик винной лавки, целовавший крест, обещая торговать честно и напитки не разбавлять.

Как гласил вывешенный на видном месте Указ императрицы Екатерины Великой, относящийся к проведению Ассамблей: «Чины оставлять за дверями, наипаче¹⁹ как шляпы и шпаги». «Есть вкусно и сладко, пить же с умеренностью, дабы каждый мог найти свои ноги, выходя из дверей». И так далее.

Хороший, ненавязчивый и очень эффективный способ формирования и консолидации новой национальной элиты. Все, что угодно, можно в предложенной обстановке решить, *разрешить* любую конфликтную ситуацию (как в последнее время в определенных кругах принято выражаться). Самое же интересное, что здесь, в условиях полной *экстерриториальности*, разрешались не только азартные игры, карточные и иные, но и дуэли. В полном соответствии с кодексами XVIII века, модернизированными применительно к течению времени. Вообще-то дуэлей здесь не случалось давным-давно, еще со времен позапрошлого Местоблюстителя, но, по слухам, несколько случаев все-таки было, и даже – с фатальным исходом. В любом случае, сам факт, что они возможны и при соответствующем оформлении неподсудны, очень способствовал укреплению нравов.

Сейчас, разумеется, такие мысли никому в голову не приходили, и поводов не было, и люди собрались несколько иные. А вот миновать трактир было трудно. Да и незачем.

Офицеры, бывавшие здесь раньше, успели занять самые удобные места, поснимали портупейные ремни, расстегнули верхние пуговицы кителей и отдыхать начали в полном соответствии с обычаями. Не думая, какой рукой какую вилку брать, каким образом реагировать на произносимые тосты. Стать на короткое время самим собой, как душа просит – хорошо.

Компании по интересам возникали мгновенно – чтобы обсудить животрепещущий вопрос или свежую сплетню, и так же быстро распадались, потому что из-за соседнего столика уже звучали не менее интересные слова. Кто-то кого-то влек под локоток в укромный угол, чтобы сообщить нечто совсем уже конфиденциальное, или *перетереть* тему, до которой не доходили руки в суматошной повседневной жизни. Да просто выпить очередную рюмку под наскоро придуманную или, наоборот, с прошлой встречи нежно лелеемую байку.

У Вадима где-то по краю сознания мелькнуло, что хорошо все-таки жить в стране, в которой восемьдесят с лишним лет не происходит никаких катаклизмов, вроде войн и революций, будто в какой-нибудь Англии или Новой Зеландии. Еще столько же продержаться – и можно будет смело говорить, что Россия стала наконец скучным и благоустроенным европейским государством.

Ляхову и Тарханову с девушками было уже, пожалуй, что и тяжеломерно продолжать гулянку. Последние бессонные сутки да нервное напряжение перед и во время *перехода*, потом встреча с Чекменевым и князем, доклады, обрушившиеся на них милости и все остальное-прочее. Сейчас бы, по-хорошему, удалиться в отведенные помещения и поспать минуток шестьсот, а не получается.

С почти каждым приятелем и соратником надо хоть на минутку присесть, чарку если и не выпить, так хоть поднять, к губам поднести. Сказать что-то в ответ на добрые слова. А подсядешь, туда же и из-за других столов подтягивались желающие поздравить с наградами неформально, быть лично представленным дамам.

Примерно через полчаса Майя сказала Ляхову, что лично она больше не может соответствовать здешнему стилю. Пусть он ее проводит до комнаты, а сам – как знает. То же самое и Татьяна. Пришлось отвлечься и проводить дам. А когда уходили из трактира, Максим Бубнов, вроде бы незаметно для окружающих, прихватил на секунду Вадима за руку и шепнул номер комнаты, где будет его ждать.

– А ты как, Серега? – спросил Ляхов Тарханова у дверей его с Татьяной апартаментов.

¹⁹ Наипаче – даже более, чем (церковнославянск.).

– Знаешь, я тоже сегодня – пас. Тут все же твоя компания. Сам как-нибудь давай. Я лучше посплю. Меня ж завтра в любом случае службой напрягут. Что я – Чекменева не знаю?

Товарищу оставалось только посочувствовать. И одновременно – позавидовать, если по другому счету. Судьба у него пусть трудная, но понятная. К ней он всю жизнь готовился и пожинает теперь плоды в самом подходящем возрасте. Чины, ордена, должность, благосклонность начальства. Он-то, по своему характеру, не будет рефлексировать и выводить командиров из себя неуместными умствованиями.

Ляхову – хуже. Именно потому, что он по-прежнему воображает о себе больше, чем судьба может ему предложить. Чины и ордена – это хорошо, кто же будет спорить, а вот к чему все это применить? В свой вот-вот долженствующий исполниться «тридцатник». Был бы он сейчас, как совсем недавно, военврачом третьего ранга без затей и претензий, так бы и служил себе, лечил бойцов и командиров, мечтая перебраться в столичную клинику, а то и на кафедру в Военно-медицинскую академию, и нормально бы себя ощущал, случись такое «воплощение мечты».

А тут ведь совсем иное. Нельзя себя чувствовать и вести, как раньше, раз уж так размахнулась судьба, набросав ему шансов, как собаке блох. Не поймут-с! Неважно, кто именно, да хоть та же судьба и не поймет. Раз уж так карта поперла, с девятерной на тотус²⁰, смешно пасовать.

Вот и сейчас он направлялся на встречу с Максимом, смутно предчувствуя, что голова завтра с утра потрескивать будет, адреналиновая тоска замучает и все такое прочее. Однако ведь не нами сказано: «Тот не гусар, кто при виде бутылочки доброго вина думает о завтрашнем похмелье!»

Да просто интересно ему было, что ж тут такого случилось за полтора их, девять наших месяцев. Откуда, например, взялись у Бубнова на плечах строевые подполковничьи погоны? По стопам, так сказать, пошел коллега или это у него способ маскировки, чтобы не наводила на ненужные размышления в соответствующих кругах его медицинская сущность?

Интриги раскручиваются здесь со скоростью американского торнадо – выпадешь на краткий срок из этого коловращения, и неизвестно, сумеешь ли обратно встроиться. Остался ли прежним друг Максим, или у него теперь тоже собственные приоритеты и новые замашки? Да и еще кое с кем требуется поговорить неотложно.

Хорошо, догадался он сказать Майе, чтобы ее домоправительница, кроме костюма, передала упаковочку бензедрина. Сейчас таблетка, запитая глотком сельтерской воды, поможет ему часа три-четыре сохранять трезвость, бодрость и великолепную остроту и ясность мысли. На фоне состояния возможных собеседников это создает явные и прогнозируемые преимущества.

В коридоре, когда он шел к Бубнову, его неожиданно перехватил Федор Федорович, тоже успевший превратиться в полковника. Князь своим людям чинов не жалел. Да и чего их жалеть? Казне расходы небольшие, а людям приятно. Был барон таким же веселым, румяным и доброжелательно-общительным, как и при их первой конфиденциальной встрече²¹, однако и на него прошедшее время и текущая обстановка оказали кое-какое действие, заметное внимательному взгляду.

– Что, Вадим Петрович, заглянем ко мне, обменяемся парой слов?

– Да меня-то, вообще, и в другом месте тоже ждут, – с некоторым сомнением ответил Ляхов, одновременно прикидывая, что к Бубнову можно особенно не торопиться. В том смысле, что никуда не денется, им так и так вместе работать, а вот от барона можно перехватить кое-какую, могущую оказаться полезной информацию.

---

²⁰ Тотус – преферансный термин, означающий десять взяток на десяти картах, которые не разыгрываются, а предъявляются для проверки.

²¹ См. роман «Дырка для ордена».

– Ждут – подождут. Если не женщина, конечно. Однако, как я заметил, от одной женщины ты уже освободился, а другой, для тебя подходящей, я тут вроде и не приметил. Так что пошли...

Пришлось согласиться. Комната у Федора Федоровича была такая же, как у всех, кровать, стол, два стула, настольная лампа и санузел. Мини-бар, разумеется, самовар на приставном столике, а закуска уже по способности. Барон озаботился.

Ничего особенного, принесенное из трактира блюдо с крошечными пирожками, начиненными дичью, картошкой, потрошками, яйцами с рисом и капустой, да малосольных огурцов «по-великокняжески». То есть приготовленных строго по рецептуре и вкусу Олега Константиновича.

Барон, как настоящий остзеец²², предложил можжевелевую водку. Ляхову было все равно, можно и ее. Выпили, вдумчиво закусили, хотя есть уже и не хотелось.

– А теперь скажи мне, Вадим Петрович, как старому товарищу и однокашнику, что в вашем докладе – чистая правда, а что – сконструировано на потребу начальства? Свое ты уже получил, так что стесняться нечего. А я теперь, как-никак, начальник оперотдела в нашем новом управлении, мне, сам понимаешь, информация нужна только стопроцентно достоверная.

– Начоперод? Поздравляю, – чтобы выиграть время, Вадим не нашел ничего лучшего. – А Академия как же? Побоку?

– Видно будет. Сначала нужно войну выиграть, со всеми проблемами разобраться, а уже потом думать, нужна ли она нам вообще, Академия? И нужны ли мы ей.

Мысль, в принципе, здравая, Вадим и сам не один раз задумывался о будущем. Год назад – да, Академия казалась ему шансом на прорыв в совершенно новые сферы жизни. А теперь?

– И вообще. Тут у нас такое затевается, уже догадался, наверное. И нам, «химическим полковникам», нужно друг за друга держаться...

В ответ на недоуменный взгляд Ляхова барон рассмеялся:

– Не слышал, что ли? Это еще с Гражданской войны термин. Там за боевые заслуги только чинами награждали, а, сам понимаешь, в условиях Ледяного похода даже патроны проблемой были, не говоря о прочей амуниции. Вот и рисовали просветы и звездочки химическим карандашом на солдатских погонах или любой подходящей тряпочке. Бывало, если командиры и свидетели погибали, доказать право на такой чин трудненько было. Мы – почти в том же положении. Нет?

Вадим не мог не согласиться.

– Вот и давай, излагай, как оно на самом деле все было...

– Самое смешное, Федор Федорович, что абсолютно все – чистая правда. Единственное, о чем я сейчас говорить не буду, так это конкретный механизм перехода. Тайна не моего уровня. Все прочее – так и было. И израильские военные лагеря и оружие, техника, покойники, капитан Шлиман, переход морем на катере – все! Хочешь – верь, хочешь – нет, но если тебе требуется для работы – можешь на моих данных любую стратегию строить. Как на коробке с армейскими пайками пишут: «Ешь, не сомневайся!»

– М-да, чудны дела твои, Господи. Я признаться, кое-какой информацией располагал насчет того, как доктор Бубнов с мертвяками встретился, а потом они с Чекменевым летали вас искать. Хоть и секретили все это по полной программе, да разве скроешь, если полсотни людей в курсе...

– Что-то мне кажется, Федор Федорович, что нам еще и с тобой там побывать доведется. Интуиция, видишь ли...

– Я что, я не против, люблю всякие ужастики.

---

²² Остзеец – немец по крови, потомок выходцев из прибалтийских провинций Германии и России.

После чего барон посвятил его в суть дела, для которого пригласил. С некоторым удивлением Ляхов узнал, что Ферзен, как и некоторые другие коллеги, имена которых Федор Федорович пока называть не стал, находятся с недавних пор как бы в своеобразной оппозиции к группе старших товарищей, тесно примыкающих к генералу Агееву, и тем самым даже и к Чекменеву.

Отсюда и всплыла забытая побасенка про «химических полковников». Господа офицеры не уверены, что при определенном развитии событий не будут отстранены от нынешнего уровня принятия решений и влияния на обстановку. И возмечтали несколько подстраховаться.

– «Младотурки», одним словом, – козырнул и Ляхов знанием истории начала прошлого века. Так себя называла группа офицеров султанской армии и прочих буржуазных либералов, боровшихся против деспотии султана Абдул-Гамида № 2 и установивших в конце концов конституционную монархию под своим контролем, «не разрешившую тем не менее коренных клерикально-феодальных противоречий в обществе», как написано в учебнике истории.

– Для смеха и так сказать можно, только цели у нас другие. Если совсем просто – не допустить, чтобы в случае чего нас *задвинули*, или даже *оставили при своих*... Иначе зачем бы и затеваться...

– Не рано ли, братцы? – Ляхов вспомнил один из первых разговоров с бароном в первый месяц своего пребывания в Академии. Тогда он тоже сделал интуитивный вывод, что планы вроде бы безобидного военно-исторического общества идут гораздо дальше заявленных целей, а теперь выходило, что уже и роль младших соратников великокняжеского окружения, мечтающего о восстановлении монархии, их не устраивает.

– Не мне судить, конечно, но вроде бы так не делается. Еще и ближайшей цели не достигли, а вы куда дальше замахиваетесь... Может, сначала с тем, что грядет, разобраться?

– Поздно будет, – с абсолютной уверенностью ответил барон. – Исторический опыт с непреложностью показывает. Ежели вовремя не озаботиться созданием сплоченной организации единомышленников, спаянных общим интересом, заранее готовых к возможным поворотам сюжета, об нас просто ноги вытрут. То есть ничего такого я сказать не хочу, просто ограничатся в нашем отношении мелкими подачками. Как вот с вами только что.

– А разве мало? – в свою очередь удивился Вадим. – В тридцать лет – куда уж больше? Мне так до самой отставки хватит.

– Тебе, может, и хватит...

– Ну так и чего же? Чего напрасно нервы себе и другим жечь, по пустякам подставляться? На войне вон убьют – и чего тогда? Выживи сначала, а потом новые авантюры замыслий...

Говорил Вадим совершенно искренне. Он тоже знал историю, только извлекал сейчас из нее немножко другие уроки. Да оно и понятно – немецкая карьерная философия и славянская – две большие разницы, пусть даже в одной армии они служат и одному делу. Ну, как Обломов и Штольц, если хотите, в осовремененном варианте.

Барон действительно ощущал себя совершенно иначе, чем Ляхов. Несмотря на достойно пройденные тесты и проверки верископом, которые вполне подтвердили его интеллектуальный и нравственный уровень, готовность и способность служить и выполнять обязанности, к которым он начальственными раскладами предназначался, Ферзен оказался не столь лояльной личностью, как предполагалось. Здесь и проявился незначительный на первый взгляд дефект разработанной Бубновым и усовершенствованной Ляховым программы.

Дело в том, что она рассматривала человека и его возможности в статике, в предлагаемых обстоятельствах, в той ситуации и в том психофизическом состоянии, в которых он находится к моменту испытания. Оттого и не был учтен столь значимый на самом деле фактор. Просто слушатель Академии и «соратник» клуба «Пересвет» барон Ферзен и нынешний полковник, начальник оперативного отдела аналитического управления, оказались по отношению друг к другу разными людьми.

Первый совершенно искренне готов был учиться, служить, а будучи допущенным к некоторым тайнам и интригам, счастлив сознавать свою причастность к «Проекту» и большего не желал. Если на наглядных примерах – юноша, страстно влюбленный в некую особу, не отвечающую ему взаимностью, хоть под присягой, хоть под пыткой будет утверждать, что вершиной его мечты является единственный нежный взгляд означенной особы, а уж за право прикоснуться губами к ее губам или погладить по коленочке он спокойно продаст душу дьяволу. Причем это будет чистейшей правдой. В данный конкретный момент.

И этот же самый юноша, тем или иным способом ухитрившийся с предметом своих вожделений переспать, уже на первое утро может почувствовать безразличие, если не неприязнь. И это тоже будет правдой и объективной реальностью. Такого вот пустячка Бубнов с Ляховым и не учли.

Вадиму это стало понятно практически сразу. Не зря ведь бензедрин обостряет мысли и чувства. И даже забрезжила идея, каким образом следует подкорректировать программу. Нет, в ее базовой части ничего трогать не надо, а вот ввести поправочные коэффициенты и предусмотреть некий веер альтернатив поведения объекта придется.

Нет, нужно деликатно объяснить (внушить) барону всю опрометчивость и, прямо скажем, опасность такого направления мыслей. После чего перевести беседу в русло текущей военно-политической обстановки. В Польше и на Родине.

Вадим, конечно, не мог предположить, что все комнаты гостевого дома просматриваются и прослушиваются самой современной на тот момент аппаратурой. Слишком это представлялось невероятным по всем меркам дворянской и офицерской чести. Чтобы Великий князь подглядывал за своими гостями в замочную скважину – такое и в самый скверный анекдот не вставишь.

И князь действительно на подобное был органически не способен. Зато генерал Чекменев – вполне. Служба у него была такая, и высшие интересы государства и престола, с его точки зрения, никак не коррелировались с примитивно понимаемыми, *не осязаемыми чувствами звуками* «честь», «порядочность» и т. п.

Кстати, а далеко ли ушел от генерала сам Ляхов, вторгаясь своей аппаратурой в тайны человеческой души? Некоторое оправдание у него (если бы вдруг пришлось перед кем-то отчитываться) все-таки было. Мол, медицина с ее методиками испокон веков этим занимается – и душой, и организмом, отнюдь не всегда ставя пациента в известность, как, чем и для чего. Но это уже софистика.

Генерал Чекменев на своем наблюдательном посту покуривал папиросу, прихлебывал остывающий зеленый чай, чему-то смутно улыбался, слушая моментами переходящий в спор диалог младших коллег.

Нет, позиция барона его не удивляла и не возмущала. Чего-то человек в жизни достиг, желает достигнутое сберечь и приумножить. Соломки, на случай чего, подстелить. Дело совершенно житейское. Лишь бы эту соломку он не начал с чужой крыши дергать. Вот тут уже начинаются государственные интересы, вот за этим придется проследить.

Гораздо больше удивляло многоопытного генерала, насколько «правильно» ведет себя Вадим. Неужели на самом деле довелось столкнуться с «идеальным человеком»? Нет, с самой первой встречи в Хайфе Игорь Викторович сделал ставку на необыкновенного доктора, повел его по жизни, преследуя собственные цели, и пока не имел оснований о своем выборе пожалеть.

Но все-таки, как-то слишком... (он даже не смог с лету подобрать подходящее слово. Может быть, нарочито?) получается.

Слишком уж избыточно одарен Ляхов самыми различными способностями и качествами. Тут тебе и снайперская стрельба, и глубокие познания в психологии, и спокойная, без надрыва, отвага, и умение себя адекватно вести в самых невероятных ситуациях, верность слову, иногда даже переходящая границы разумного, талант морехода и лидерские качества.

Вдобавок поразительные успехи у женщин, таких разных и своенравных, как Елена и Майя. Нет, господа, как хотите, а здесь что-то не то и не так.

Несколько не от мира сего этот парень!

Чекменеву показалось, что он находится удивительно близко к истине, только никак не может ее ухватить.

Святой, что ли? Так вроде нет, и водку пьет «в плепорции», и плотских утех весьма не чурается. Разумно честолюбив. Смирением и не пахнет, даже, напротив, самолюбив, своенравен.

Может, не о чем тут и гадать, просто такой уродился, и родители воспитали соответственно натуре. Как писал Гоголь, по другому, впрочем, поводу: «Русский человек в его наилучших проявлениях». Оно бы и хорошо так думать, а неправильно. Тут как раз случай, противоположный принципу Оккама. Самое простое объяснение отнюдь не самое верное.

Разговор между Ляховым и Ферзенем потерял для генерала профессиональный интерес. Неважно, до чего они конкретно договорятся, принцип и направление ясны, а дальнейшее развитие событий все равно пойдет так, как надо. И не барону с его приятелями что-то существенно в них изменить. Каждый человек принесет пользу, будучи употреблен на своем месте.

Дальнейший беглый просмотр помещений гостевого дома ничего интересного для генерала не принес. Офицеры продолжали раскованно выпивать и общаться, Тарханов, отвернувшись к стенке, спал, похрапывая. Татьяна лежала, глядя в потолок широко открытыми глазами, и предавалась, может быть, мечтам, порожденным ее новым общественным положением или проникшим в самую глубину души взглядом князя.

Майя безмятежно спала.

Бубнов нервно курил на балконе, в тщетном ожидании Ляхова. Вот разговор между ними тоже стоит послушать, если Вадим все-таки сумеет вовремя избавиться от общества барона.

«Черт знает, что за жизнь, – раздраженно подумал Чекменев. – Нет, чтобы отдыхать и веселиться, как все люди, изволь вечно бдеть, вечно стоять в бессменном карауле».

Тут он слегка лицемерил, поддавшись минутной слабости. Сама по себе такая жизнь ему единственно и нравилась, другое дело, что все реже Игорю Викторовичу удавалось смирять служебный азарт, оставлять хоть несколько часов в сутки для нормального человеческого отдыха. Мания величия своего рода – считать, что сами основы нынешнего естества держатся исключительно на твоём характере и работоспособности, а стоит чуть расслабиться и отпустить вожжи, так все и пойдет вразнос.

Прикинув, что раньше, чем через пятнадцать-двадцать минут, Ляхов до комнаты Бубнова не доберется, генерал все же решил спуститься в трактир, отметить перед «узким кругом ограниченных людей», ну и действительно пропустить рюмочку-другую, демонстрируя свою простоту, доступность и верность принципам офицерского братства.

Вот тут и подтвердился тезис, что начальнику тайной полиции расслабляться все-таки нельзя. Он еще только примеривался к третьему стаканчику сильно разбавленного тоником джина, как увидел бодро спускающегося по пандусу барона, вполне, судя по его виду, довольного жизнью и даже что-то насвистывающего.

Ловко выйдя из ни к чему не обязывающего разговора с соседями по столику, вернувшись и снова включив мониторы, Игорь Викторович понял, что дал маху. Подвели его аналитические способности. Комната Бубнова была пуста. И комната Ляхова, куда немедленно заглянул Чекменев, тоже. Последней надеждой оставалась постель Майи, но и в ней обитатель не прибавилось.

Вот, значит, как. Вряд ли, конечно, наши доктора такие конспираторы, что специально вышли из наблюдаемой зоны. Решили просто прогуляться перед сном, покурить на свежем воздухе. Может быть, еще и в общий зал вернуться, только вот о чем они успеют переговорить наедине при первой, после долгой разлуки, встрече, навсегда останется для Чекменева тайной.

Тайной возможно, и даже почти наверняка, не представляющей чрезвычайного интереса для государственной безопасности, но тем не менее...

Люди в таких случаях обычно говорят интересные вещи. Особенно такие люди, причастные сразу к двум тайнам, одна из которых хотя бы понятная, вторая же находится за пределами рациональности и здравого смысла. Что, если сговорятся они о чем-то, понятном только им двоим, и сумеют использовать «это» в собственных интересах, причем таким образом, что все остальные вообще ничего не поймут или спохватятся слишком поздно.

«Да нет, это уже полная ерунда, – одернул сам себя Чекменев. – Ничего такое просто невозможно, ведь вся материально-техническая база управления процессами – что одним, что другим – находится под строгим и полным контролем, как и профессор Маштаков, генератор идей и руководитель проекта. Уж он-то на самостоятельные игры не способен по определению, поскольку до сих пор находится хотя и в привилегированном, но все-таки заключении».

Одним словом, причиной тревог генерала было элементарное неудовлетворенное любопытство, смешанное с ревностью. Прямо-таки подростковое чувство. Вот, мол, приятели что-то такое знают интересное, шушукаются друг с другом, а при моем появлении замолкают.

Невыносимо!

Глава шестая

А Ляхов с Бубновым на самом деле просто решили прогуляться. Пить не хотелось, сидеть в накуренной комнате – тоже, погода же за окнами стояла вполне подходящая. В меру свежо, но не холодно, безветренно, только легкий туман повис между кустами и деревьями, отчего лунный диск на темном небе выглядит мутным, расплывчатым пятном. Максим рассказывал Ляхову о собственном общении с покойниками: как оно случилось и что из этого вышло.

– Да что это мы все «покойники» да «мертвецы»? Словно бабки на завалинке. А мы все же люди ученые, соответствующую терминологию должны использовать. Вот хотя бы – *некробионты*, и звучит красиво, и суть явления выражает, – предложил Вадим.

На том и согласились.

– И ничего мы так и не установили, – продолжал Бубнов, – хотя патологоанатомы доставшиеся нам объекты до клеточного уровня разобрали. Не установлена даже причина стремительного распада тканей *вторично убитых* некробионтов. Отсутствует в природе такой механизм, да и только...

– В природе он как раз присутствует, раз мы его можем наблюдать и даже пытаться изучать, – снова уточнил Ляхов. – Я над этим делом подольше вашего размышлял и непосредственно с самим артефактом вел продолжительные беседы. Хотя и не имел возможности проводить инструментальные исследования. Да это и ни к чему, как ваш пример показал. Это то же самое, что с помощью газоанализатора пытаться химический состав души выяснить. А я по старинке, исключительно эмпирически, как древние мудрецы.

Тут ведь какая штука получается. Скорее всего, это самое *ураганное гниение* происходит из-за каких-то, не известных нам свойств времени. Вот этого самого, *расширенного*. В его пределах некробионт подчиняется другим физическим законам – что очевидно, раз он в состоянии двигаться, питаться, проявлять все признаки психической деятельности и мышления.

Следовательно, в собственной системе координат он живет. Приложив же к нему механическую силу посредством пули, саперной лопатки или дубины, мы хоть и непонятным образом, но разрушаем некоторую *тонкую структуру*, обеспечивающую эту самую *псевдожизнь*. Структуру второго, если так можно выразиться, уровня, потому что разрушение первого уже вызвало его физическую смерть в «нашем» мире... И он мгновенно биохимически переходит в состояние, соответствующее временному интервалу от первой до второй *смерти*...

– Отсюда можно предположить, – подхватил его мысль Бубнов, – что вполне может существовать и третий, и последующие уровни, куда некробионт переходит уже после разрушения остатков белковой структуры? И где-то еще глубже, по боковой оси, продолжает существовать в виде скелета, а потом и некой энергетической конструкции...

– Отчего бы и нет? – легко согласился Ляхов. – Тем более что подобные предположения неоднократно выдвигались всевозможными эзотериками, и в принципе понятие «нирваны» лежит в этой же плоскости.

– Только вот мы в своем нынешнем облике удостовериться в этом не можем. Как, к примеру, невозможно наглядно представить мир четырех и более измерений.

– Четырех – еще можно. У некоторых фантастов получается вполне убедительно. А про пятое уже и не пытаются. Тоже полная аналогия с нашим случаем – мир некробионтов мы еще можем наблюдать и как-то пытаться с ним взаимодействовать, а дальше... – Вадим сокрушенно развел руками.

Но Максим полет своего воображения остановить не мог.

– А мне кажется, все не так безнадежно. Раз ты наладил какой-никакой контакт с этим капитаном Шлиманом, который вдобавок человек ученый, так можно, наверное, заглянуть в следующие измерения через его посредничество.

Ляхов не сдержал саркастической усмешки, которую Максим, впрочем, в темноте не заметил.

– Постараюсь предоставить тебе такую возможность. Это ж ты с моих слов вообразил, что он в целом такой же человек, как мы... Ну, мало что мертвый. Я и сам поначалу так думал, когда контакт налаживал. А тут принципиально другое. Его психика каким-то тоненьким-тоненьким краешком с нашей взаимодействует, да и то за счет того, что Шлиман – ученый, и вдобавок просто очень хорошо представляет, помнит, как себя следует вести в роли живого.

Именно в роли, это, совсем как в театре, талантливый артист может крайне убедительно представлять Сократа, Нерона, кого-нибудь там еще, а ты смотришь, веришь, «над вымыслом слезами обливаешься». А спектакль заканчивается – и все. Дураком будет тот, кто, поймав его после спектакля, захочет выяснить, что там дальше происходило, после точки, которой заканчивается диалог «Пир» или «Тимей»...

– Печально, если так, – расстроился Максим. – Но я все-таки надеюсь, что мне удастся еще раз попасть на ту сторону и попытаться...

– Ты *надеешься, что*, а я, наоборот, *боюсь, что* сделать это непременно придется, и в самом ближайшем будущем...

– Действительно боишься? – удивился Бубнов. Моментами он проявлял удивительную нечувствительность к стилистическим фигурам речи.

– Нет, не боюсь, конечно, в общепринятом смысле этого слова, просто хочу сказать, что, независимо от нашего желания нас просто заставят этим заниматься. Вот и надо к такому заданию начинать готовиться прямо сейчас, продумать, какое нам оборудование потребуется, какие штаты... Верископ, например, можно ли будет *там* использовать? А если да, то как...

Кстати, должен тебе сказать, когда мы продвигались вдоль западного берега Черного моря и высаживались в подходящих местах для дозаправки и отдыха, нам попадались зоны, как бы это поточнее назвать, ну, «вырождающегося» времени. Словно бы оно «вбок» тоже начинает течь так же, как и «вперед». Явственные следы «старения». Много высохших и упавших деревьев, дома выглядят так, будто их не ремонтировали десятки и сотни лет, техника – груды ржавого железа. Руины, живописные и не очень. Приходит в голову, что где-то еще дальше должны быть места уже полного разрушения, до фундамента, а там и кирпичи рассыплются в прах, и дерево сгниет...

– Теоретически – вполне допустимо, только я не понимаю физического смысла. Это значит, какой-то еще новый вектор образуется...

– При чем тут теория, если я все своими глазами видел?

Будучи натурами увлекающимися, испытывающими взаимную симпатию, долго (хотя и разные для каждого отрезки времени) лишённые возможности общения, они легко, почти произвольно перескакивали с темы на тему, стремясь поговорить обо всем и сразу.

Мелькнувшее слово «верископ» сразу потянуло за собой изложение Максимом последних событий вокруг прибора, принятия его в массовую эксплуатацию и полученных от Чекме-нева заданий. Кстати, всплыла и история с отцом Майи, похищением Бубнова и проверкой прокурора.²³

– Он ведь все свои планы строил, исходя из договоренностей лично с тобой, а ты вдруг исчез. Вот старик и засуетился. Ну вроде бы все сложилось нормально, не знаю, на чем они по факту с нашим генералом и Великим князем сошлись, но все рекомендации я по материалам исследования представил. Он, кстати, сам потребовал его по полной программе проверить. Признан соответствующим.

Поговорили и об этом тоже. Как о дальнейшей предполагаемой судьбе прокурора, так и об общих перспективах государственной политики. Не называя имен, Вадим намекнул доктору

---

²³ См. роман «Бремя живых».

о настроениях, зреющих в кругах, к которым теперь принадлежал и Бубнов. Здесь они сошлись во мнении, что им самим в эти игры соваться, по меньшей мере, преждевременно. Терять есть что, а прочность собственного положения можно обеспечить и иными способами. Как говорил один восточный мудрец: «Человеку, обладающему знанием, приличествует важность».

– Без наших мозгов и без наших идей власть имущим при любом раскладе не обойтись. Вот на этом и будем стоять... Теперь бы еще с Маштаковым позиции согласовать. Есть у меня соображения. Как он там, кстати?

– Вполне процветает, – с двусмысленной улыбкой ответил Максим. – Золотая клетка – это то, о чем он всю жизнь мечтал. Не надо заботиться об организации собственной жизни, не надо принимать никаких решений. Поят, кормят на убой, девочки по первому требованию. А ему остается творчество в чистом виде. Иной раз и позавидуешь!

– И чего он еще за это время натворил?

– Таится. Ведет бесконечные расчеты, по кнопкам арифмометра с утра до вечера стучит. Причем на машинную обработку передает только отдельные куски и в полном беспорядке. Я, по крайней мере, не в состоянии сообразить, как это все стыкуется и что должно обозначать в целом. Но ясно, что все-таки хронофизика...

– Не могу поверить, что ради этого Чекменев его кормит, поит и девочками снабжает. Не тот человек, фундаментальные исследования ему глубоко до... мне кажется.

– Не скажи. Если он уловил свой интерес, так и теорему Ферма заставит к завтраму доказать. А тут, мне кажется, наш «проф» ему что-то совсем невероятное наобещал. Чуть ли не *настоящую* машину времени. По крайней мере, несколько уравнений, похожих на попытку обосновать преобразование хроноквантов в элементарные частицы, мне в его опусах попадались... Хотя, на мой взгляд, это уже полный бред.

Вадим скептически хмыкнул. Бред или не бред, но до сих пор все идеи Маштакова успешно воплощались в металл. И в крайне неожиданные эффекты. Так что он бы лично от категоричности в этом вопросе воздержался.

Глава седьмая

Даже без консультаций с Чекменевым и другими идеологами и исполнителями операции «Фокус» Олег Константинович прекрасно понимал, что без массовой кампании дезинформации не только противника, внутреннего и внешнего, но и своих верных сторонников и почитателей не обойтись.

Под внутренним врагом князь в данном случае понимал как польских инсургентов, так и любую партию и общественную группу, выражающую им поддержку и сочувствие: всякого рода полонофилов, пацифистов, сторонников прав наций на самоопределение, членов *неприимчивой оппозиции* кабинету Каверзнева, беспартийных леваков любого толка, часть интеллигенции, априорно считающую любую власть порождением дьявола, а любые принимаемые ею меры – насилием над личностью.

Вся эта пестрая компания, издавна вызывавшая у князя сугубую неприязнь, вторую неделю делала все, чтобы преобразовать пусть не совсем христианское, но вполне политкорректное чувство в требующую выхода ненависть.

Нет, на самом деле, как можно в стране, поставленной перед опаснейшим с тридцатых годов прошлого века историческим вызовом, нуждающейся в железном сплочении всех, могущих держать оружие, – неважно, огнестрельное или психологическое, – вести разнузданную (иначе не скажешь) пропаганду немедленной отставки правительства, прекращения боевых действий по всей территории Привислянского края, переговоров с повстанцами «без всяких предварительных условий»? Что, конечно, по сути подразумевало предоставление автономии Польше, а в перспективе – Финляндии и вообще всем *национально ориентированным* племенам и народностям.

Этак, чего доброго, завтра вспомнят о своей былой независимости от Москвы Великий Новгород, Псков, Тверь! Они, в рамках этой логики, чем же хуже?

Естественно, в правовом и демократическом государстве выражение даже самых крайних взглядов и убеждений юридически ненаказуемо, но жанр контрпропагандистской борьбы подразумевает и другие, не менее действенные средства.

С врагом внешним обстояло несколько сложнее. Правительства стран – членов Тихоокеанского союза в таком качестве не рассматривались, и решено было пока отнести к «вероятному противнику» государства и группировки, в той или иной мере примыкающие к структурам «Черного интернационала». Соответствующие списки имелись и в службе Чекменева, и в российском министерстве госбезопасности.

Князь считал, что по отношению к ним применимы любые меры, в том числе и военнодиверсионного характера. Однако до поры предпочитал ограничиваться методиками *непрямых действий*.

Специальный план был разработан для воздействия на подавляющую часть населения России, настроенную патриотически, лояльную к петроградской власти и «Московскому княжеству».

Особый шик заключался в том, что по отношению ко всем трем категориям предполагалось использовать одни и те же средства, но с противоположными целями. Как, например, в агротехнике применяются вещества, смертельные для вредителей и питательные для полезных злаков.

Это, конечно, высший пилотаж психологической войны, но соратники князя к ней были давно готовы.

Здесь тоже пригодился верископ Бубнова (по документам – «изделие ВБ»), не один аппарат, конечно, а целый *верископический полк резерва Главного командования*, как, по аналогии с артиллерийскими, могла быть названа часть, оснащенная полусотней мобильных установок.

Прошедшие спецобследование и признанные годными руководители информационных агентств и наиболее авторитетные корреспонденты газет, радио и дальновидения начали получать материалы, оформленные в виде *утечек информации* из военных кругов, где в самом неприглядном свете рисовали моральное и техническое состояние войск и растерянность, царящую в кругах гражданской администрации и командования Западного округа.

Причем сведения эти в принципе были достаточно правдивы, только отбирались умело, превращая отдельные, вполне естественные в условиях сумятицы и хаоса факты во всеобъемлющую тенденцию.

Сообщалось о фактах перехода на сторону восставших сотен и тысяч солдат, причем не только польского происхождения, и даже некоторых русских офицеров, о нехватке в войсках оружия и снаряжения, бедственном положении блокированных повстанцами гарнизонов и неспособности военных властей взять ситуацию под мало-мальский контроль. Отдельные успешные акции инсургентов всячески раздувались и из них делались далеко идущие выводы.

Попытки официальных и официозных²⁴ изданий внушить общественному мнению, что все обстоит не настолько плохо, выглядели примитивно и неубедительно.

Солидные, авторитетные обозреватели и аналитики один за другим выступали с пространными комментариями и редакционными статьями, совершали экскурсии в историю, начиная с XVIII века, как российскую, так и иных европейских держав, в разное время сталкивавшихся с проблемами сепаратизма.

Почему-то все у них выходило, что геополитическое положение России в данном конфликте практически безнадежно, что национальные революции при созревании подходящих условий (а они как раз сейчас вот и созрели!) просто обречены на успех. А партизанские войны, если в них включается «большинство народа», правительственным войскам выигрывать не удавалось никогда. Несмотря на массу содержащихся в этих материалах натяжек и явных глупостей, необходимое влияние на слабые умы они оказывали.

Обрадовавшись столь мощной поддержке, откуда и не ждали, ударили в барабаны и затрубили в победные горны все штатные оппозиционеры и оппозиционеры ситуативные.

Вал пораженческих публикаций нарастал. В правительство и Государственную думу посыпались индивидуальные и групповые запросы. Выступления членов кабинета и самого Каверзнева выглядели беспомощно и только подливали масла в огонь.

Заявление премьера о необходимости взвешенного подхода к освещению событий и ограничения кампании критики некоторыми правовыми и этическими рамками тут же было расценено как подготовка к введению цензуры.

Очень странным образом все происходящее напоминало положение в России на рубеже 1917 и 1918 годов. Тогда ведь тоже в едином порыве слились левые и правые, октябристы, кадеты, эсеры и эсдеки, одержимые единой целью: свалить кабинет министров, учредить «ответственное» правительство, в идеале – добиться отречения Императора.

И также для этой цели использовалось все – сказки о предательстве царицы, «распутинщина», отдельные, отнюдь не катастрофические перебои со снабжением армии вооружением и продовольствием, реальные просчеты военного командования, ничем, впрочем, не худшие, чем у иных держав Антанты и Тройственного союза.

На этом фоне были не слишком заметны публикации в московской прессе, определенным образом контрастирующие со становящимися как бы и господствующими настроениями в «просвещенной части общества». События там комментировались с гораздо большей взвешенностью и здравым смыслом и пути выхода из идейно-политического кризиса предлагались вполне разумные.

²⁴ Официоз – независимое издание, но по преимуществу отражающее точку зрения правительства.

«При этом следует отметить, – писал в докладной записке один из аналитиков, – что размещаемые в указанных средствах массовой информации материалы пользуются большим успехом в среде предпринимателей, технической интеллигенции, вообще той части населения, что живет собственным производительным трудом и полагает сохранение твердого государственного порядка необходимым условием собственного благополучия. Проведенные исследования показывают также, что большая часть граждан, проживающих в центральных, западных и южных губерниях, готова поддержать самые решительные меры правительства и расценивает введение военной диктатуры как вполне оправданное требованиями момента. Вопрос о возможности и желательности передачи всей полноты власти в руки Местоблюстителя по известным причинам не задавался. Однако подобная мысль и без этого имеет достаточно широкое хождение в массах, обсуждается в частных беседах, в том числе и в местах значительного скопления людей, как то: у газетных витрин, в трактирах и пивных, на стадионах и в иных увеселительных заведениях».

Такая именно реакция и планировалась, чему значительно способствовали регулярно публикуемые сюжеты, вроде бы никак напрямую не связанные с текущим моментом. Например, посвященные блестящему экономическому положению *Московского княжества* (что было правдой), постоянно растущему народному благосостоянию (для чего предпринимались специальные усилия), а также выдающимся военным и административным способностям Олега Константиновича, благо приближалось десятилетие его пребывания на посту Местоблюстителя.

Постепенно до наиболее проникательных деятелей оппозиции начало доходить, что происходит, но – слишком поздно. И развернуть собственную пропагандистскую кампанию на сто восемьдесят градусов уже не было ни времени, ни реальных возможностей.

Что, начать вдруг писать и говорить, будто они тоже поддерживают целостность Державы и нерушимость послеверсальских границ? Что отнюдь не против деятельности на своем посту кабинета Каверзнева, поскольку «коней на переправе не меняют», и готовы отдать карт-бланш в наведении порядка именно ему, чтобы не допустить перехвата власти «узурпатором»? При этом каким-то образом пытаться демонизировать самого Великого князя, приписывая ему все мыслимые на свете пороки?

С такой стратегией куда больше потеряешь, чем обретишь. А действительно ненавидимому либеральными кругами потомку «тех самых Романовых» дашь в руки неубиваемые козыри.

«Поздно, господа, поздно!» – Вполне довольный результатами трудов на то поставленных специалистов, Олег Константинович продолжал перебирать и просматривать папки с газетными вырезками, сообщениями информационных агентств, аналитическими записками, радиоперехватами, адресованными лично ему письмами зарубежных благожелателей.

«Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря. Мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был в прочем образ наших мыслей». (А. Пушкин, 1831 г.)

«Теперь ставится под сомнение не только будущее, но и прошлое России. Ведь поражение от поляков обесмысливает саму русскую историю, превращает изгнание шляхты из Кремля в глупую импровизацию, русскую кровь, обильно пролитую в Варшаве и во всех прочих градах и весях в течение последних трех веков – в высохшее и испарившееся ничто, многовековое сопротивление агрессивному латинству – в дремучее упрямство и т. д. Такое Отечество – без прошлого и без будущего – сразу делается фикцией, дымом». («Современник», 1864 г.)

«Должно признать, что и у поляков есть своя „правда“, равновеликая русской. Но две непримиримые правды не могут сосуществовать вместе, на одной территории бесконечно долго: рано или поздно им, обреченным на извечное несогласие, становится тесно, и одна из соперниц навязывает другой свою волю. История человечества знает немало подобных трагических коллизий. „Наследственная распря“ двух народов – русского и польского – как раз и имеет все признаки того рокового противоречия, разрешением которого может быть только гибель проигравшего». («Русский архив», 1865 г.)

«Если один из двух народов и двух престолов должен погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновение? Мое положение тяжкое, моя ответственность ужасна, но моя совесть ни в чем не упрекает меня в отношении поляков, и я не могу утверждать, что она ни в чем не будет упрекать меня, я исполню в отношении их все свои обязанности до последней возможности; я не напрасно принес присягу, я не отрешился от нее; пусть же вина за ужасные последствия этого события, если их нельзя будет избежать, всецело падет на тех, которые повинны в нем!». (Николай I. Из личного дневника, 1848 г.)

«Большинство политобозревателей сходятся во мнении, что переживаемый сейчас политический кризис может быть сравним только с событиями весны – лета 1918 года. Как и тогда центральная власть демонстрирует удивительную беспомощность перед лицом надвигающихся сразу с нескольких направлений исторических вызовов, а наша „передовая общественность“ проявляет не менее удивительную потерю чувства самосохранения. Вместо того, чтобы сплотиться вокруг Правительства и Государственной думы, единственно способных сейчас защитить российскую демократию от правых и левых экстремистов, а также от воинствующего сепаратизма, дружно толкаящих страну и народ в пучину новой Смуты и Гражданской войны, политические партии стремятся заработать капитал на безудержной критике правительства, словно не понимая, что единственно регулярная общенациональная армия и законные силы правопорядка ограждают нас от катастрофы и бунта, не могущего быть иным, как бессмысленным и беспощадным». («Новое русское слово. Орган партии конституционных демократов. Петроград, 2005 г.».)

«Безусловно, это правительство должно уйти. Но уйти не трусливо, путем закулисных торгов и откровенной капитуляции перед наиболее агрессивными представителями маргинальных партий, ориентирующихся на Москву. Уйти с достоинством, максимально законным образом передав власть той единственной партии, которая способна, не ущемляя принципов народовластия, сформировать правительство народного доверия, с привлечением в него всех здоровых сил общества, которым дороги идеалы свободы, равенства и братства. В борьбе обретаем мы право свое!». («Руль», Орган партии социалистов-революционеров (левых интернационалистов. 2005 г.)

«Из материалов независимой службы информационной безопасности нашей партии с непреложностью следует, что в ближайшие дни можно ожидать в Петрограде, Киеве, Романове-на-Мурмане, Костроме, Ярославле, Ростове-на-Дону и ряде других ключевых городов Европейской России массовые выступления и демонстрации в поддержку правительства и лично премьера Каверзнева, сопровождаемые требованиями ни в коем случае не уступать давлению из Москвы и попыткам кремлевского узурпатора вновь навязать Отечеству ненавистное и отринутое историей самодержавие». («Дело», орган партии анархистов-максималистов.)

«Анализ, проведенный экспертами Европейской ассоциации реальной политики, показал, что в настоящее время российская армия и службы государственной безопасности не в состоянии желательным для себя образом, оставаясь в рамках законности и действующих международных соглашений, решить польскую проблему. Имеющихся в распоряжении центрального правительства сил недостаточно, чтобы быстро и без неприемлемых потерь разоружить несколько независимых, но тесно взаимодействующих друг с другом военно-политических структур повстанцев и восстановить контроль над мятежной территорией. Тем более что польскому сопротивлению оказывает техническую и финансовую помощь ряд государств, не входящих в ТАОС, и неправительственные организации европейских стран. Следует ожидать, что в ближайшее время начнутся консультации между российским правительством и наиболее уважаемым крылом борцов за независимость, результатом которых может стать интернационализация конфликта и создание какой-то формы конфедеративных отношений России и ее западных провинций. Таким образом будет подведена черта под тлеющим более двух веков конфликтом. („Свободная мысль“, Москва.)

«В случае политического поражения России, потери ею своих стратегических позиций на Западе и Юге она может выбрать кажущийся ей адекватным ответ на вызов „европейского сообщества“, как она его воспринимает. Таким ответом скорее всего окажется выход из ТАОС или существенное ограничение участия в общих программах. Желая таким образом „наказать Европу“, Россия на самом деле развяжет руки самым разрушительным тенденциям современности. Разрыв или серьезное ослабление „Периметра безопасности“ автоматически резко усилит криминальные организации и террористические группы как нашего, так и остального мира. Они получат возможность действовать где им захочется – от Гамбурга до Тавриза и Кейптауна.

В противоположность этому мандат международного сообщества резко сократится. Он будет ограничен несколькими стратегическими точками, которые мы еще сможем контролировать – вроде Касабланки, Рабата или Стамбула. И что же остается? Обвалный крах мирового порядка. Повсеместная анархия. Как последняя надежда – отступление в укрепленные города. Все это – опыт «темных столетий», который миру, оставшемуся без стабилизатора, скоро придется испытать вновь. Проблема, однако, состоит в том, что новые темные столетия окажутся намного более опасными, чем те, что уже были пережиты человечеством в IX – XI веках. Мир населен почти в 20 раз плотнее, и потому конфликты между различными «племенами» неизбежно окажутся более частыми. Технологии преобразовали производство, и теперь человеческие сообщества зависят не только от наличия пресной воды и хорошего урожая, но и от снабжения углеводородным топливом, запасы которого, как известно, конечны.

Худшие последствия новых темных столетий проявятся на окраинах слабеющих великих держав. Богатейшие порты глобальной экономики – от Нью-Йорка до Роттердама и Сиднея – станут объектами нападений грабителей и пиратов. Одновременно локальные войны могут опустошить целые регионы, доселе входящие в орбиту притяжения свободного мира.

Нас ждет вселенская катастрофа и хаос – исключительно потому, что некоторые политики, громко декларирующие свою приверженность «демократическим ценностям», готовы принести их, вместе с собственными головами, в жертву амбициям горстки никому по большому счету не интересных и не нужных сепаратистов с задворков Европы. Всего сто лет назад лидеры по-настоящему великих держав знали, как следует поступать с теми, кто несет угрозу...». (Нейл Фергюссон, профессор, сопредседатель Гуверовского института войны, революции и мира. Из докладной записки Главе Совета безопасности ТАОС 5 октября 2005 года.)

Прочитав этот документ целиком, князь пришел в хорошее настроение. Встречаются и там умные люди, с которыми можно работать, пусть пока их и не столь много, как хотелось бы.

Следует инициировать публикацию в зарубежной прессе серии материалов, развивающих поднятую господином Фергюссоном тему. Особенно насчет грядущих «темных веков», последним гарантом от наступления которых является великая и неделимая Россия.

Так ведь, по *гамбургскому счету*, и есть. Если удастся довести эту истину до размякших от либерального пацифизма и политкорректности мозгов еврочиновников и левых интеллектуалов, глядишь, и испугаются они за свое сытое и безмятежное (на чужой крови) существование. Мы-то и без их помощи обойдемся, не привыкать, лишь бы не мешали, под ногами не путались.

И вот еще интересное сообщение оппозиционной к берлинскому кабинету мюнхенской «Байрише фолькишер беобахтер»²⁵. Явно здесь чекменевские ребята постарались.

«По информации из кругов, близких к БНД, отмечены неофициальные контакты между спецслужбами московского наместничества и личной референтурой рейхсканцлера Германии доктора Вирта. Как утверждается, рейхсканцлер в частном порядке был предупрежден о том, что, если вследствие ныне обозначенной германским правительством позиции „невмешательства“, которая на деле означает поощрение и поддержку сепаратистов, России не удастся сохранить „статус-кво“, возможно следующее развитие событий:

– Россия, согласившись на предоставление Польше какой-либо формы независимости, в категорической форме потребует от нового польского правительства заключения сепаратного договора о взаимопомощи (фактически – о протекторате) и защите интересов польского населения освобождаемых территорий. Одновременно Россия пообещает содействие и поддержку в объединении «русской» Польши и Малопольской республики, признает законными (по прецеденту) претензии Польши к Чехословакии и Германии по поводу «западных и юго-западных земель». Из тех же источников сообщается, что в России уже ведется работа по формированию «теневого правительства» новосозданного государства из максимально пророссийских политиков, с одновременной нейтрализацией, вплоть до физического уничтожения, «непримиримых националистов». Косвенным подтверждением этого является загадочный взрыв в Бельведерском дворце, жертвами которого стало пока неустановленное, но значительное количество членов так называемого Комитета национального спасения. Такое развитие событий, если приведенные факты действительно имеют место, чревато для Германии потрясениями, гораздо более болезненными, чем те, что ныне переживает Россия».

Гениально придумано. С одной стороны, намек на нынешнюю слабость российских властей и царящие там пораженческие настроения, с другой – неприкрытая угроза немцам. Для них-то «спорные территории» – чуть не четверть всех нынешних коренных германских земель, и, если что начнется, никому мало не покажется.

И еще один крючок на ту же тему и из тех же «источников» – неподтвержденная, но весьма правдоподобно выглядящая информация о том, что отмечены контакты между некими близкими к Великому князю *частными лицами* и находящимися на полуподпольном положении национал-социалистами и отставными офицерами из «мифической» организации «Стальной шлем».²⁶

Речь на этих переговорах якобы шла о совместных антиправительственных выступлениях в случае неудовлетворительного, с их точки зрения, решения польского вопроса. Предполагается, что, опираясь на сочувствующие воинские части рейхсвера и великокняжеской гвардии, крайние националисты обеих стран готовят одновременный военный переворот, после

²⁵ Баварский народный наблюдатель (нем.).

²⁶ «Стальной шлем» – тайная организация германских военных шовинистов, отставных офицеров.

чего может быть создана своего рода российско-германская уния по типу бывшей Австро-Венгрии.

О чем-то подобном князь и сам в свое время подумывал всерьез. Совсем, кстати, неглупая мысль, которая очень многим может показаться привлекательной, а главное – реализуемой. И, естественно, – кошмар для Франции (прежде всего Франции), да и прочих участников *европейского концерта*.²⁷

Олег Константинович был согласен с Чекменевым – в ближайшее время следует ждать зондирующих звонков, писем, а то и предложений о личных встречах ну, может быть, и не от первых лиц мирового сообщества, но и не от последних тоже.

Потому он и тянул время, несколько заморозив реализацию детально согласованного с Каверзневым плана. Хотя все было готово, и собрать Правительство и Государственную думу можно хоть завтра.

Но предпочтительнее, само собой, сначала дожидаться реальных результатов, всходов уже посеянных семян смуты в станах и врагов, и союзников, дезорганизовать и деморализовать их настолько, чтобы потом любой бескровный выход из ситуации показался им благом и крупным выигрышем.

А что же происходит на Западном фронте на самом деле?

Ничего особенно страшного. Россия и не такое видела и переживала. Конечно, очень неприятно читать в сводках, что ровно половина Привислянского края, западнее линии Данциг – Люблин, фактически не контролируется законной властью, губернские и уездные правительственные учреждения разгромлены. Держатся лишь батальонные и полковые военные городки за пределами крупных городов и, разумеется, пограничные заставы на германской и чешской границах. Уж те-то так просто не возьмешь!

Число вооруженных инсургентов колеблется от двухсот до трехсот тысяч, и отмечается процесс их консолидации, формирования почти регулярных полков и даже бригад. Причем разведка сообщает, что мятежники не испытывают недостатка в командном составе. Кроме волонтеров из Малопольши и населенных поляками германских земель, на сторону мятежников перешло несколько сот российских офицеров польского происхождения и еще большее число начальствующего состава иных военизированных структур.

Ну с этими-то в свое время разговор будет короткий – если не расстрел на месте, то военно-полевой суд, и все равно стенка. А может быть, лучше – виселица!

И будет это совершенно правильно, поскольку измена присяге не извиняется никакими соображениями, как бы возвышенно они ни были оформлены для собственного самооправдания.

Кроме того, как военный человек, Олег Константинович считал процесс формирования «Народовых сил збройных» для собственных планов более полезным, чем вредным. Чем более крупными, структурно организованными будут вражеские войска, тем проще и легче их будет в нужный момент уничтожить. Вместе с лагерями базирования, складами, транспортными средствами, прочей инфраструктурой, а также многочисленными пособниками и сочувствующими, которые гораздо виднее, когда оказывают содействие легализованным структурам, а не рассеянным по лесам бандам в десять-двадцать человек.

На занятой мятежниками территории вовсю идут этнополитические чистки. Русские, украинцы, белорусы, да и поляки, «запятнавшие» себя сотрудничеством с русскими властями, или просто чересчур обрусевшие, изгоняются, откуда только можно, в том числе и из занимаемых домов и квартир, если на них находятся претенденты из числа «национально мыслящих». В зависимости от преобладающих в каждом конкретном воеводстве и уезде настроений, с той

---

²⁷ Европейский концерт – принятое в первой половине XIX века наименование государств – членов так называемого Священного Союза.

или иной степенью жесткости осуществляется депортация или интернирование «нежелательных элементов».

В то же время, что особо отмечалось в информационных сообщениях, словно по команде прекратились кровавые бесчинства первых дней восстания. Или почти прекратились.

Больше не случалось массовых погромов, поджогов православных церквей, число убийств на улицах и в домах государственных служащих почти вернулось к «статистической норме», а если они и происходили, то в виде «эксцессов исполнителей», а не как планомерные мероприятия руководителей и идеологов восстания.

Более того, определенным образом проводится политика сохранения «единой государственной инфраструктуры». Продолжается бесперебойная работа транзитного железнодорожного транспорта, почти безопасен проезд по автомагистралям, так или иначе, но функционируют отделения банков, в том числе и общероссийских.

То есть очевидно, что новые власти, еще не сформировав управляющих структур общенационального масштаба, действуя подобно пресловутой «криптократии», одновременно пытаются обозначить себя в качестве вполне цивилизованной и вменяемой силы.

«Но это им никак не поможет, – с некоторой долей злорадства думал князь, – когда все же начнется полномасштабная операция по восстановлению законности и порядка. Абсолютно все, что уже произошло и происходит сейчас, укладывается в статьи Уголовного кодекса, трактующие понятия государственной измены, насильственного захвата власти, вооруженного мятежа, политического и экономического бандитизма.

Что за беда, если многие из этих статей не применялись по полвека и больше, чуть ли не со времен завершения Гражданской войны и Реконструктивного периода. Главное – их никто не удосужился отменить, а сроки по ним порядочные, от десяти лет до бессрочной каторги, кроме того, непосредственно в зоне действия военного, особого и осадного положений предусмотрена такая удобная мера, как расстрел на месте дезертиров, провокаторов, паникеров, поджигателей и мародеров».

Расхаживая вокруг планшета с рельефной электронной картой предполагаемого ТВД²⁸, князь намечал на ней районы, где целесообразно нанести сокрушительные удары из «бокового времени». Интересно будет посмотреть, насколько его стратегическое видение совпадет с разработками штабистов.

Две гвардейские дивизии закончили сосредоточение в предписанных районах от Бреста до Ужгорода, отряд Легких сил Балтийского флота готов войти в устье Вислы и совместно с бригадой морской пехоты продвинуться до самой Варшавы. Морская авиация и часть ВВС Московского округа завершают разведку целей для нанесения ракетно-бомбовых ударов и высадки воздушных десантов.

На проведение военной фазы операции Олег Константинович отводил ровно пять дней. После чего предполагал собственными, *московскими* частями плотно прикрыть границу с Германией и Чехословакией, а с востока ввести в Польшу армейские и полицейские подразделения Российского правительства для окончательного умиротворения мятежной провинции.

Впрочем, к тому времени это разделение на *российских* и *московских* потеряет всякий смысл.

Пожалуй, лучше всего провести процедуру наделения его диктаторскими полномочиями в ночь со второго на третий день операции, когда все *скрытые* войска выйдут на исходные позиции, а действующие открыто ВВС и флот достигнут первых значимых успехов.

В этом случае массированный выброс фронтовых сводок и комментариев к ним по всем информационным каналам отодвинет в глубокую тень короткие и невнятные сообщения о внеочередной сессии Государственной думы, а факт провозглашения гражданина Романова О.К.

---

²⁸ ТВД – театр военных действий.

(кстати – законного и несменяемого заместителя председателя Государственного Совета) легко впишется в концепцию «стратегической необходимости».

Тут комментаторы должны будут напустить еще больше тумана, публикации оппозиционного характера свести к минимуму «техническими причинами», но вовсе их ни в коем случае не пресекать. Свобода слова есть ценность безусловная и неотчуждаемая.

А заявление о фактической и юридической передаче всей полноты власти Великому князю должно совпасть с победоносным завершением кампании, взрывом народного ликования, триумфом Верховного правителя и Военного диктатора и внедриться в сознание подданных и «мировой общественности» всего лишь как некое ритуальное действие. Знак признания заслуг в сохранении целостности Державы и карт-бланш на силовое пресечение еще более опасных вызовов и потрясений, которые непременно грядут в самом ближайшем будущем.

Очень довольный тем, что наконец сумел свести воедино все концы столь долго мучившей его проблемы, князь прошел в угол кабинета, где у окна, выходящего в Александровский сад, стояла старинная, красного дерева с перламутровыми вставками, конторка. Он любил писать стоя и исключительно от руки. Механические и электронные посредники между мозгом и листом бумаги мешали течению его высоких дум.

Лощеная, с сиреневым оттенком линованная веленевая бумага, черные, как китайская тушь, чернила, золотое стилографическое перо – вот инструменты, достойные запечатлеть эманацию великокняжеского разума.

Все свои научные и политологические труды Олег Константинович написал собственноручно, причем окружающих неизменно поражала его способность писать прямо набело, без черновиков и почти без правки.

И сейчас легшие на бумагу, безукоризненные по каллиграфии строчки как бы подвели итог его интеллектуальным терзаниям. До сегодняшнего дня у него не все сходилось. Отдельные эпизоды плана выглядели вполне здоровыми и логичными, но томило, как начинающаяся зубная боль, ощущение собственного интеллектуального и творческого бессилия.

Ну, словно бы бьешься, пытаешься собрать пистолет из кучи деталей от разных, пусть и похожих систем. Все вроде бы такое, как надо, а там выступ в паз не входит, там отверстия для винтов не стыкуются, курок по бойку не попадает. Злишься, потеешь, материшься сквозь зубы. И вдруг – раз, два, три – щелкнуло, звякнуло, лязгнуло, сошлось! И вместо груды никчемных железок в руке аккуратная, красивая, а главное – готовая к делу машинка.

В данном случае на свет родился удивительный документ, заслуживающий право сохраниться в анналах, подобно трудам Марка Аврелия или запискам Цезаря о Галльской войне. Изложенная на трех страницах предыстория вопроса, логически неуязвимое обоснование безальтернативности собственного решения и языком боевого приказа сформулированная последовательность действий каждого из своих доверенных лиц.

Ни убавить, ни прибавить!

Олег Константинович решил, что больше он себе голову ломать не будет. Передаст свой меморандум Чекменеву, и пусть верный паладин реализует. Истолковывает и доводит до исполнителей.

А Государю других забот достанет. Вот сейчас к патриарху нужно ехать, обсудить очередную насущную идею. Что, мол, Ваше Святейшество, неплохо бы на возвращаемых в лоно православия землях учредить нечто вроде нашего военно-монашеского ордена. Ну, как ливонский был, католический, или там меченосцев. Очень полезно будет, благо, по его сведениям, чересчур много офицеров, отставных, а то и кадровых, в монастыри повадились уходить. Душу, блин, спасать, как, например, давеча надумал капитан второго ранга Кедров, занимавший немалый пост у «печенегов».

Ну вот и пускай, по патриаршему благословению, в рясе и с автоматом Богу послужат. А для первого обзаведения можно передать церкви замок Мальборк в дельте Вислы, бывшее

гнездо крестоносцев. С землями окрестными и соответствующими субсидиями. Красивые там места, и крепость выглядит внушительно. А под это дело, когда все сладится, заодно и ритуал коронации, помазания на престол с первосвященником можно будет обсудить.

Глава восьмая

«Ну, вот и вернулись», – подумал Ляхов, когда вновь распахнулись ворота в пустой параллельный мир, неотличимо схожий с окружающим. Тот же знобящий ветерок, то же низкое серое небо, под которым вторым эшелонem плыли лохматые, налитые холодной октябрьской водой тучи. Только за спиной – мрачные кирпичные громады казарменных корпусов, а не коттеджи поселка, к которым всего несколько дней назад они вышли, в страстной надежде вернуться в мир людей. И без всякой уверенности, что им это удастся. Каждый в глубине души, не говоря этого вслух, волей-неволей прикидывал, что будет делать, как устраивать дальнейшую жизнь, если с возвращением ничего не выйдет.

А вот о том, чтобы по доброй воле вернуться сюда снова, тогда не думалось совсем. Где-то, конечно, таилась мысль, что (при благоприятном развитии событий) сходить сюда еще придется. Но мысль – из того же разряда, что у фронтовика, получившего отпуск и стоящего на вокзале с вещевым мешком на плече.

Далеко за спиной погромыхивает передовая, но к тебе это отношения уже не имеет. Сейчас все надежды и планы связаны с приближающимся к перрону поездом. Но пролетели дни, туго, как патроны в магазин, забытые самыми разнообразными, казалось бы, взаимоисключающими делами, и – вот он, тот самый фронт, с которого вот только что уезжал.

Честно сказать, Вадим надеялся, что вторая экспедиция состоится несколько позже и придется идти в Израиль для встречи со Шлиманом с научно-этнографическими, если так можно выразиться целями. Ну и дипломатическими тоже.

И видел себя Ляхов в качестве чрезвычайного и полномочного посла людей к некробионтам, поскольку Микаэль определенно заверил, что примет в этом качестве именно и только его. Несомненно, это было бы интересно, только отправляться следовало с многочисленной, хорошо подготовленной в теоретическом и научном плане экспедицией, насчитывающей, может быть, сотни человек. Как в достославном девятнадцатом веке это было принято у исследователей и завоевателей Экваториальной, к примеру, Африки.

В ближайшее же время Вадим собирался заняться работой по верископу и примыкающим темам. Да еще предполагал, что Чекменев, а то и сам князь поручат новоиспеченному флигель-адъютанту какое-нибудь дело по организации полноценного аппарата восстанавливаемой самодержавной власти. Как раз по его профилю занятие.

Но вышло все, как зачастую бывает, совершенно иначе.

Бубнов едва успел ознакомить Вадима со своими последними результатами, продемонстрировать налаженную работу целого отдела спецконтроля, которым он теперь руководил. При этом высказал предположение, что или теперь Ляхова назначат на этот пост, а ему самому дадут возможность обратиться исключительно к теоретическому обеспечению процесса, или же создадут под началом Вадима еще одну структуру, в которую отдел войдет одним из подразделений. Это, пожалуй, было бы разумно. Что-то вроде управления по вопросам кадровой революции, или, еще лучше – «Криптократическое управление»!

И тут последовал экстренный вызов к Тарханову.

Да-да, не приглашение на дружескую беседу или на деловой обед в узкой компании, как издавна повелось, а самый настоящий вызов телефонограммой с полным указанием нынешней должности Сергея, номера кабинета и времени прибытия.

Вадим прибыл в Кремль слегка удивленным. Пусть данная форма диктовалась спецификой службы, но все-таки предварительно старый товарищ мог бы и позвонить, объяснить, что и как. Ну а, с другой стороны, приняв как должное свой нынешний придворный статус и правила игры, стоит ли теперь удивляться, если требуется их исполнение и во всех остальных, пусть лично тебе неудобных, случаях.

В кремлевских апартаментах Тарханова он еще не бывал и впечатление получил сильное. Все же удивительная штука судьба. Захотела – и вознесла вчера еще скромного армейского капитана, недавно видевшего себя максимум командиром полка, да и то в далекой перспективе, до таких чиновных вершин.

В одном этом кабинете, не считая приемной, где восседали «собственный его высокоблагородия адъютант» (как мысленно сострил Ляхов) и девушка-секретарша, поместился бы весь штаб их ближневосточной бригады. Вокруг ковры, мебель, которой в случае необходимости можно целую неделю топить походную печку, кремлевская брусчатка и голубые сосны за окнами. Грандиозно!

Ради такого многие люди душу дьяволу продадут не задумываясь. За куда меньшие блага продавали.

Но, своими глазами увидев не только архитектурные излишества, но и творящуюся в занимаемом Управлением корпусе деловую суету, Вадим в очередной раз отметил, что это не для него.

Вид офицеров, быстро, чуть ли не рысью снующих между кабинетами с папками бумаг, доносящиеся из-за закрытых и полуоткрытых дверей телефонные трели, надсаженные, не всегда понимающие разницу между армейским плацем и *присутственным местом* голоса; то и дело подъезжающие и отъезжающие от подъездов автомобили – все это внушало Ляхову не почтение и зависть, а томительную, всегда охватывающую его в больших штабах скуку... И мысли о проданной за чечевичную похлебку свободе.

Его отец тоже, в расплату за серебряные эполеты и шинель с красными отворотами, отсутствовал дома сутками и неделями, уезжал на службу, не дождавшись позднего петроградского рассвета, и возвращался за полночь. По три года не ходил в отпуск.

Так что Вадим с Тархановым ни за что не стал бы меняться местами.

«А ведь придется, коли прикажут, – тут же подумалось ему. – Если только в отставку не подать сразу же».

Доложившись адъютанту, Вадим непроизвольно взглянул на напольные часы темного дерева в углу – нет, не опоздал, до назначенного времени еще четыре минуты.

Кроме него, в приемной переминались с ноги на ногу еще около десятка поручиков и штабс-капитанов. Большинство из них явно были знакомы друг с другом, но, по малости чинов и непривычке к столь серьезным кабинетам, свободно общаться они как-то стеснялись. Все больше обменивались отрывочными фразами шепотом, с некоторой опаской оглядываясь на каждого вновь входящего и на преувеличенно усердно перебирающего бумаги порученца.

Все они были в караульной форме, то есть в повседневных мундирах, без наград и шпор, но при ремнях и оружии. Никого из них Ляхов не знал даже в лицо.

С появлением полковника, китель которого украшали планки высших орденов, погоны и аксельбанты флигель-адъютанта, все присутствующие вытянулись и дружно прищелкнули каблуками.

Вадим жестом указал, что «вольно», и начал присматриваться к людям, явно приглашенным сюда по одному с ним делу, но тут порученец Тарханова пригласил собравшихся в кабинет, на обитой шоколадной кожей двери которого значилось коротко: «Начальник управления».

Без всяких преамбул, лишь коротко поздоровавшись, Сергей указал Вадиму место за приставным столиком, остальным предложил занимать стулья вдоль противоположной стены.

– Господа офицеры! В соответствии с приказом № 1156 по штабу Гвардии все вы откомандировываетесь для выполнения специального задания в составе особой группы Главного разведуправления. Общее руководство возложено на меня. Командиром группы назначен присутствующий здесь полковник Половцев, Вадим Петрович, к вашему сведению – Герой России. Прошу...

Ляхов привстал и поклонился, чувствуя, что сбываются самые пессимистические его предположения.

– Суть задания и сроки его выполнения командир доведет до вас в положенное время. Не позднее, чем сегодня к вечеру. Равно как и распределение функций внутри группы. Заместителем командира группы назначается штабс-капитан Уваров...

Теперь с места пружинисто поднялся высокий, загорелый офицер, с резкими чертами лица и не совсем уместной в этой обстановке, слегка иронической улыбочкой:

– Есть, господин полковник!

– Вольно. Вы, капитан, сейчас примете командование группой, направитесь в Литовские казармы, где немедленно начнете получать оружие и амуницию вот по этому списку, – и протянул Уварову толстый запечатанный конверт. – Здесь же краткие характеристики личного состава и рекомендательный вариант штатного расписания. Помещение для вас подготовлено, дежурный офицер в курсе. Вопросы есть?

– Так точно, господин полковник. Будет исполнено. Только вот: разрешите личному составу до начала выполнения три часа времени для устройства неотложных личных дел?

Остальные офицеры, тоже до последнего момента не имевшие понятия о предстоящем назначении, согласно закивали. Действительно, хоть какие-то личные дела найдутся у каждого, особенно если не знаешь, куда и на какой срок убываешь. А то и навсегда...

– Не возражаю. Под вашу ответственность. Автобус с эмблемой управления будет вас ждать на Ивановском спуске. Других вопросов, просьб, пожеланий нет? Все свободны. Вас, Вадим Петрович, я попрошу остаться.

– И что весь этот цирк должен означать? – стараясь, чтобы голос его звучал как можно более небрежно, осведомился Ляхов, без предложения взяв из коробки на столе друга папиросу и глубоко, может быть, чересчур нервно, затянувшись.

– А ты привыкай, – с такой же небрежностью, которая в Гвардии считалась хорошим тоном, ответил Сергей. – Я же тебя предупреждал – времена наступают суровые. Помнишь, как говорил герой одного романа: «За каждую скормленную вам калорию я потребую множества мелких услуг»? Так там разговор вели штатские, а мы вдобавок люди военные. Начальство решило, значит, так тому и быть!

– Но ведь... – попытался возразить Ляхов, но Тарханов не дал продолжить.

– Ничего не *ведь*. Если ты хочешь сказать, что я должен был заранее поставить тебя в известность, все обсудить, поторговаться, если угодно, упирая на связывающие нас отношения, то это тоже из другого времени. Чтобы тебе было легче, докладываю: я сам получил соответствующий приказ лишь сегодня утром, приказ, подчеркиваю, а не предложение поразмышлять на служебные темы. И, чтобы выполнить его в срок, вынужден был заниматься конкретными делами в режиме «хватай мешки, вокзал отходит»!

– Ладно, ладно, не будем больше об этом. Это, как я понимаю, строго в развитие давешнего нашего разговора насчет отношений с Игорем Викторовичем...

– Совершенно верно. Не буди лихо, пока оно тихо. Когда, к слову, мне было рекомендовано счесть себя похороненным на уютном кладбище, а самому под чужой фамилией отбыть аж в Нью-Йорк, я что, сопротивлялся, махал руками и орал, что у меня совершенно другие планы? Взял паспорт, билет и поехал... И ребята, которых ты только что видел, тоже возражать и задавать вопросов не стали. А ты что, намного лучше их?

– Не лучше, не лучше! Только объясни ты мне, ради бога, о чем все-таки речь идет. И немедленно начнем исполнять, как в Уставе сказано, нимало не жалуясь на лишения и тяготы...

Очередного выпада Ляхова Сергей предпочел не заметить, чтобы не терять даром драгоценного времени. И тут же сообщил, что задача более чем проста.

Во главе сформированной группы, которой вдобавок будет придано необходимое количество бойцов обычных строевых частей, ему предстоит через вновь сооруженный, абсолютно надежный стационарный портал переправиться на ту сторону, там и только там ознакомить личный состав с боевым приказом. Который и исполнить со всей возможной быстротой и тщанием...

Маршрут движения указан на прилагаемой карте, но допускаются, с учетом реальной обстановки, разумные отклонения. По мере продвижения обеспечивать за счет приданных сил охрану и оборону в указанных пунктах. Попутно разрешается и даже поощряется проведение необходимых исследований, в той мере, в какой это не будет мешать выполнению основной задачи. Во время рейда полковник Ляхов будет пользоваться правами командира отдельной части. Снабжение группы и выделение необходимого количества личного состава и техники возлагаются на начальника Московского гарнизона.

– Все понятно?

– И даже многое сверх того. В пределах возложенной на тебя функции ты все отбарабанил наилучшим образом. Моему заместителю хватило бы. Непонятно одно – при чем тут именно я? Подобную задачу вполне способен выполнить любой толковый офицер, тот же штабс-капитан, которого ты ко мне приставил.

Тарханов усмехнулся.

– А он и будет выполнять девяносто процентов задания, и даже больше, если ты прикажешь. Приличный, между прочим, офицер. С большим боевым опытом и не меньшим самолюбием. В «печенегх» всего месяц, а уже успел удостоиться представления к двум орденам и повышения в чине. Вдобавок за проявленные героизм и излишнюю инициативу, кое-кому сильно подпортившую настроение, сплавлен из действующей армии в наше распоряжение, от греха подальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.